

**Интернациональный университет трудящихся
и эксплуатируемых (Рабочий университет)**

Общественное большинства

9.

Москва. Январь 2012

Периодическое издание

Общественное большинство. Выпуск 9. - М.:
Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет). Январь 2012.

Общее руководство изданием - Б.В.Ракитский

***Коллегия главных редакторов
отдельных выпусков:***

***М.Д.Мандель
Г.Я.Ракитская
Б.В.Ракитский***

**Главный редактор выпуска №9
Ракитский Б.В.**

© Авторы статей

© Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет), 2012

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия, 119361. Москва, Озёрная улица, 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ выпуска № 9

КРОНРОД Яков Абрамович	
СОЦИОЛИГАРХИЗМ КАК ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМ	
XX ВЕКА	5
1. <i>Сущность социалигархизма</i>	5
2. <i>К генезису социалигархизма</i>	22
3. <i>О социалистической альтернативе социали-</i>	
<i>гархизму</i>	47
а. <i>В области экономической</i>	62
б. <i>В области политической</i>	66
в. <i>В области правовых гарантий</i>	69
г. <i>В области образования и духовной культуры</i>	71
Ракитский Б.В. ДОКУМЕНТ АНТИТОТАЛИТАРНОЙ	
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СССР	
(Об очерке Я.А.Кронрода 1974 года). Доклад	
для Кронродовских чтений 2012 года,	
посвящённых 100-летию со дня рождения	
Якова Абрамовича Кронрода	74
1. <i>Сугубо прагматическое вступление</i>	74
2. <i>Предмет (тема) доклада</i>	75
3. <i>Место очерка 1974 года в истории общест-</i>	
<i>венной мысли</i>	77
4. <i>Изнурительная дорога к свободе</i>	78
5. <i>«Восставший прекрасен! Всегда!»</i>	78
6. <i>Сущность общественного строя в СССР</i>	86
7. <i>Генезис тоталитаризма в СССР</i>	89
8. <i>Социалистическая альтернатива соц-</i>	
<i>олигархизму: что делать?</i>	91
9. <i>Социалистическая альтернатива соц-</i>	
<i>олигархизму (окончание): кто сделает, кто</i>	
<i>заставит сделать?</i>	93

10. Интимно-инновационное в области методологии обществознания	94
11. Отчёт	99
12. С кем был бы Я.А.Кронрод в годы перестройки и позже	102
13. Антитоталитарная и антиимперская социалистическая мысль опять остро актуальна в России	107

СОЦОЛИГАРХИЗМ КАК ПСЕВДОСОЦИАЛИЗМ XX ВЕКА¹

1. СУЩНОСТЬ СОЦОЛИГАРХИЗМА

Определение соцолигархизма берет свое начало в двух понятиях — социализация (обобществление) и олигархия (власть немногих, их политическое и экономическое господство). Им выражается некоторый социально-экономический феномен, возникший и развившийся в сложных перипетиях борьбы исторических сил за утверждение социализма в XX столетии.

Соединение национально-государственного обобществления решающих средств производства с тоталитарной диктаториальной властью слоя, правящего государством, что исключает реальную политическую демократию, превращает правящий слой в особый привилегированный слой политических и экономических олигархов, в соцолигархию.

Исторически специфический принципиальный признак соцолигархии состоит в том, что она представляет собой политическое и социально-

¹ *Примечание И.В.Можайсковой. Этот очерк написан Я. А. Кронродом в начале 70-х годов, и поэтому в каких-то своих высказываниях автор несколько противоречит более поздним своим исследованиям, представленным, в частности, в данной работе. Это касается, например, вопроса о понимании природы Октябрьской революции 1917 г. Для понимания эволюции взглядов ученого это весьма существенное обстоятельство, которое нашло отражение в данном очерке. Однако очерк интересен не только как памятник времени, но как научная постановка.*

Примечание Г.Я.Ракитской, подготовившей очерк к перепечатке. Текст очерка публикуется по книге: Я.А.Кронрод Очерки социально-экономического развития XX века.- М.: «Наука». 1992. 240 с. Ответственный редактор доктор экономических наук И.В.Можайскова. В книге очерк числится под номером X и занимает место на стр. 192-233. В книге к очерку X имеется послесловие И.В.Можайсковой.

экономическое новообразование — особый, противопоставленный всему остальному обществу правящий слой (монополизировавший в своих руках все функции управления - политического, экономического и др.), возвращенный перерождением политической надстройки, превращением власти пролетариата во власть бюрократического милитаристского правящего слоя общества, осуществляемую в форме персональной тоталитарной диктатуры. Причем эта последняя вершит свою власть преимущественно методами насилия (а в известных исторических обстоятельствах — и массового террора) через аппарат бывшей правящей партии, которая из партии в действительности превращена в разветвленный, проникающий в общество на всех его уровнях и во всех его звеньях послушный механизм отправления власти диктатора в сочетании с подчинением аппарату партии аппаратов государства, хозяйства и всех других областей общественной жизни.

Внутренняя логика развития абсолютизированной власти ведет к превалирующему удовлетворению интересов правителей за счет интересов всего остального общества. Правящий слой шаг за шагом обособляется политически, становясь господствующей над обществом силой. Он вместе с тем и вследствие этого обособляется и экономически, присваивая себе всевозрастающую долю национального дохода, высоко поднимаясь по своему жизненному стандарту над другими слоями. Иными словами, он присваивает себе значительную часть прибавочного продукта и становится, таким образом, специфическим неэксплуататорским слоем.

Для понимания социализма ключевое значение имеет та историческая объективная закономерность, что после пролетарской революции социально-экономическая структура, которая утверждается в эпоху перехода к социализму (как это можно теперь теоретически оценить), не представляет собой некоей социально однородной, весьма упрощенной структуры общества равных работников, различающихся лишь местом в профессионально-разделенном труде (примерно так

представляли себе дело классики марксизма в своих общих рассуждениях о будущем социализма — см. "Капитал", т. 1, "К критике Готской программы", "Государство и революция").

Дело обстоит принципиально иначе. Современный уровень развития производительных сил с объективной необходимостью предполагает весьма сложную и даже усложняющуюся социально неоднородную по ее звеньям структуру общества, звенья которой представляют собой многообразные в социально-экономическом отношении слои, различающиеся по занимаемому ими месту в общественном производстве и, стало быть, неравные по присвоению-использованию средств производства (например, слои работников умственного труда и слои работников физического труда, труда квалифицированного, неквалифицированного и малоквалифицированного, индустриального и аграрного, творческого и исполни-тельного, управляющего и управляемого и т. п.).

Каждый социально особый слой общества характеризуется своими особыми социально-экономическими и политическими интересами. Отсюда проистекает следствие фундаментального свойства, а именно то, что социализму внутренне имманентен институт политической демократии, призванной реально представлять все слои и согласовывать, балансировать все общественные интересы, не давая возобладать интересам ни одного слоя в ущерб интересам других слоев и прежде всего интересам слоя, специализированного на политическом и экономическом управлении. Иными словами, социализм неразрывен с политической демократией, призванной играть роль механизма, который обеспечивает реальное равенство реализации политических, социальных и экономических интересов всех общественных слоев, разрешает противоречия этих интересов, сопрягая эти слои в социально уравниваемом социалистическом сотрудничестве. Именно поэтому социализм так же невозможен без реальной всесторонне развитой

политической демократии, как невозможен он без социализации средств производства, без общенародной собственности на них. В выявлении необходимости политической демократии в качестве механизма социоэкономического согласования интересов всех социально разнородных слоев социалистического общества и состоит главный урок трагической истории социальных революций XX века и прежде всего русской социалистической революции.

Когда же один из двух элементов социализма, а именно политическая демократия, отсутствует, социализация средств производства, соединенная с тотальной узурпацией власти правящим споем, и приводит с неизбежностью к соцолигархизму.

Тем не менее соцолигархия не образует особого общественного класса, во-первых, потому, что средства производства не поступают в собственность этого слоя (частную или коллективную). Действительно, в присвоении прибавочного продукта он участвует, не будучи монопольным собственником материальных условий производства (чем конституируется любой реально существовавший и существующий ныне общественный класс эксплуататоров), только и исключительно вследствие своих олигархо-управленческих, диктариальных функций. Любой член олигархии, теряя эти функции, вместе с ними теряет и долю в прибавочном продукте. Во-вторых (и это решающее обстоятельство), потому, что слой этот не является закономерным элементом внутренней структуры способа производства (в данном случае — переходного к социализму или начальных его форм), не порождается этой структурой. Сложившаяся со всеми своими чертами привилегированного слоя, в силу логики развития диктариальной антидемократической надстройки, соцолигархия навязывает себя внутренне ей чуждому способу производства и паразитирует на нем. Она высасывает его жизненные соки, создает препоны его развитию, подрывая прогресс, грозя и вовсе угасить силы эволюции и превратить его в исторически тупиковую

общественную структуру (с точки зрения потенций поступательного движения).

Господство соцолигархии нуждается в известной социальной опоре. Она создает таковую, предоставляя материальные и социальные привилегии и прямо подкупая некоторые верхние прослойки рабочих, крестьян и интеллигенции, которые таким образом обособливаются от остального трудящегося населения и противопоставляются основным его массам. В итоге создается целая соцолигархоструктура (политическая, экономическая, социально-культурная), господствующая над народом и существующая за счет выжимаемого из него прибавочного продукта.

Вокруг соцолигархоструктуры, прислуживая ей, стараясь всеми силами войти в ее ряды, поставляя ей нужные кадры, складывается слой своеобразного современного мещанства — деклассированного люда из рабочих, колхозников, интеллигенции, удобно устроившегося в порах соцолигархического общества, урывающего — легально и нелегально — кусок пожирнее, чуждого какой бы то ни было социальной солидарности, озлобленного, проникнутого шовинистически-националистическими предрассудками, готового по первому призыву растерзать всех, на кого укажут власти предержажие. Эти миллионные массы окраинно-городского и пригородного мещанства — массовый резервуар и немаловажная опора соцолигархии.

Озабоченная реализацией своих интересов соцолигархия в то же время вынуждена — именно по своекорыстным мотивам — поддерживать расширенное воспроизводство социально-экономической структуры социалистического способа производства, на котором она паразитирует. В этом заключено глубокое внутреннее противоречие. Развитие социалистического способа производства объективно требует демократических институтов — политических, экономических, социально-культурных, которые создавали бы реальные условия, формы, стимулы прогрессивного движения. Однако господство соцолигархии исключает любые

демократические начала. Его тоталитарно-диктаториальная бюрократическая государственность неразрывна с административно-принудительными, насильственными средствами стимулирования труда, производства и всех иных общественных процессов.

В итоге воздействия чуждой ему надстройки социалистический базис глубоко деформируется. Он представляет собой противоестественное, уродливое сочетание сохраняющихся социально-экономических основ социализма с враждебными формами их реализации. Собственность на средства производства формально принадлежит обществу, но от присвоения-распоряжения ею непосредственные производители отстранены. Собственностью распоряжается по своему усмотрению и в своих интересах соцолигархия. Работники государственных предприятий — это массы эксплуатируемых производителей прибавочного продукта, отторгаемого у них эксплуатирующей соцолигархией. Объединенные в кооперативы крестьяне также отстранены от распоряжения ведущимися ими хозяйствами. На деле колхозы — это фискально-податные организации по выкачке прибавочного продукта.

Но соцолигархия не ограничивается присвоением лишь прибавочного продукта. Она выколачивает из трудящихся и немалую часть необходимого продукта, урезывая доходы рабочих, крестьян и интеллигенции ниже издержек возмещения их рабочей силы. Нелегальные формы массового присвоения материальных ценностей производителями (хищения сырья, материалов, готовой продукции, рабочего времени) — все это неизбежная реакция трудящихся на нарушение безусловного закона поддержания прожиточного минимума, стихийный способ доведения фактических доходов до этого минимума. На этой почве неизбежно произрастают коррупция, спекуляция и иные формы социально-экономического разложения и моральной деградации. Дело довершает массовое лихоимство властей всех рангов. Все рассматривают и практически используют свои должностные функции как

старороссийское "кормление", и в карманы кормленцев стекаются денежная и натуральная дань населения.

Извращение и насильственное соцолигархией производственных отношений формально социалистического типа подрывает возможности нормального хозяйствования. Экономические методы осуществления хозяйственного процесса, экономическое соревнование и материальные стимулы к труду ущемлены или вовсе ликвидированы, их заменяет принуждение. Палка преобладает над экономическим стимулом. Громоздкий, неповоротливый, косный, дорогостоящий аппарат и механизм хозяйственного управления порождает прямо-таки вакханалию расточительства труда живого и прошлого, равно как и естественных ресурсов.

Так исторически прогрессивный базис превращен в собственную противоположность.

В итоге возникает и углубляется неразрешимое противоречие между необходимостью развития производительных сил и самих производителей, отношений между ними в рамках и на основе возможностей современной глобальной научно-технической революции и отсутствием социально-экономических форм и стимулов, в рамках которых и с помощью которых эти возможности могли бы реализоваться.

Отсюда прогрессирующее отставание соцолигархической структуры в использовании плодов научно-технической революции. Экономический рост носит по преимуществу количественный характер; качественные сдвиги протекают вяло. Неотвратимо усиливается тенденция к проигрышу научно-технического и экономического соревнования с индустриально развитыми странами Запада и Востока.

Тенденции этой особенно благоприятствует существование водородно-атомного зонта. Хотя и тяжелой ценой громадных милитаристских расходов на его поддержание, он обеспечивает мировое стратегическое равновесие для соцолигархической

империи. Под укрытием этого зонта можно многие годы реально не ощущать того, что научно-технический прогресс и его плоды все более ускользают из рук социалигархии.

От надвигающегося проигрыша научно-технического соревнования можно до поры до времени укрываться за китайской стеной современных вооружений, перекачивая все растущие массы национального дохода в прожорливую пасть милитаризма. Но лишь до поры до времени! Водородно-стратегическое равновесие — не вечность. Оно неизбежно обречено на исчезновение самим прогрессом науки и техники. Но когда это станет свершившимся фактом, социалигархизм обнаружит, что дело безнадежно проиграно.

Социалигархоструктура создает удушающую социальную атмосферу, в которой протекает деловая жизнь общества, накрывает казенно-унифицирующим колпаком научное, художественное и вообще всякое интеллектуальное творчество. Климат социалигархизма противоположен духовности. На путях прорыва интеллекта в неведомое воздвигнуты почти непреодолимые идеологически-догматические и попросту полицейско-бюрократические надолбы. Насаждаемая и охраняемая бюрократией идеологическая догматика не совместима ни с чем новым; она третирует всякое новшество, всякое, даже самое невинное, отступление от привычных формул, как подкоп, подрыв, покушение на устои, на символ веры, как опасную, подлежащую немедленному и беспощадному искоренению ересь. Социалигархизм поощряет подмену созидания реальных духовных ценностей (будь то наука, искусство, литература и т. д.) суррогатами, единственное назначение которых — обслуживать сокрытие, маскировку паразитизма и эксплуататорства социалигархии.

Положение трудящихся — рабочего класса, крестьянства, внутриклассовых групп, интеллигенции с ее прослойками — чрезвычайно осложнено и запутано. С одной стороны, их производственная деятельность опирается на все еще формально социализированный

базис, хотя он существенно деформирован. С другой стороны, их возможности самоуправления, самодеятельности и экономически закономерного использования прибавочного продукта на их собственные нужды узурпированы соцолигархией; удовлетворение их потребностей и реализация их интересов существенно ущемлены. Они все больше приносятся в жертву разбухающим аппетитам соцолигархии.

Однако эта объективная противоположность интересов лишь замедленно и ослабленно пробивает себе путь к осознанию ее угнетенными массами, к общественно-классовой кристаллизации сознания противоположности их интересов и интересов соцолигархии. Этому мешает сохранение формально социализированного базиса с его экономическими законами, которые, хотя и ослабленно, весьма деформированно, но так или иначе дают себя знать. На пути указанной кристаллизации сознания стоит также не классовый, а олигархический — слоевой, надстроечно-паразитический, а не структурно-производ-ственный характер присвоения прибавочного продукта соцолигархией. Именно он, этот характер, затемняет самый факт эксплуататорского присвоения соцолигархией плодов народного труда. На поверхности экономических отношений оно выступает не как закономерный результат паразитического функционирования соцолигархии, но лишь как более или менее случайные, временные, преходящие явления несовершенства режима, просчетов и субъективных несправедливостей текущего управления.

На пути такого осознания стоит и вся мощь догматическо-идеологической обработки. Соцолигархия не без успеха до поры до времени использует обладающие исторически инерционной устойчивостью и лишь медленно, с трудом изживаемые социалистические мировоззренческие ценности масс. Мировоззрение масс, созданное историей, ныне, лишившись своего фактического основания, стало иллюзорным. Эти-то иллюзии и использует грубо, своекорыстно, не стесняясь в средствах, пропагандистская машина. При помощи

понятий, выразивших некогда реальную идеологию, а ныне ставших мистифицирующей фразеологией, пропаганда скрывает за удобным (освященным историей, культом деятелей революции) занавесом социальной демагогии сущность неоэксплуататорского режима.

Социальная демагогия неразрывна с не знающим пощады тотальным полицейским подавлением народа. Гражданское общество опутано густой сетью шпионо-доносительских агентур. Вся современная техника электронного шпионства сочетается со стародавними приемами подслушивания, подсматривания, перлюстрации писем, фиксации телефонных разговоров, запугивания, шантажа и тому подобными приемами охранок всего мира. Судебные расправы дополняются даже внешне не регулируемой законом сложной и практически всемогущей системой произвола — административного подавления (запреты на предоставление работы, отказы в праве проживания, лишение паспортов, высылки, ссылки и т. д.).

Тайная система органов так называемой государственной безопасности, вобравшая в себя складывавшуюся веками борьбу царизма с социальным сопротивлением "науку" охраны, провокации жандармерии, сочетавшая ее с "наукой" сталинского терроризма, направлена против масс населения, не только против их реального сопротивления, но и на превентивное выкорчевывание потенциальных носителей такого сопротивления в каких бы то ни было формах и где бы ни было, вооруженная самой совершенной техникой и получившая никогда ранее не виданный материальный размах, — эта система охраны социализма железными цепями сдавливает всякое движение за демократические свободы, за экономические нужды народа, удушает живую мысль и волю народа к сопротивлению и борьбе.

Ростки инакомыслия, сопротивления режиму, освободительных чаяний, которые постоянно появляются, несмотря на систему тотального подавления, еще и потому не получают сколько-нибудь заметного развития, что нет никаких средств массовой интеграции

общественного мнения, выработки общественных идеологических ценностей, равно как и критики существующих порядков, — нет свободы слова, печати, коммуникаций. Кустарные приемы идеологической интеграции — издание неподцензурных информации, листовок, сочинений и т. п., как бы они необходимы ни были, охватывают лишь сотни, иногда тысячи людей. Миллионы остаются вне воздействия правдивого слова, их оглушает, ослепляет, одурманивает официальная | пропагандная фразеология.

Именно в целях охраны безраздельного господства социалистической фразеологии органы полицейской охраны сочетаются с органами идеологической охраны. Любое отклонение общественной мысли, искусств от официализированных мертвенных стандартов трактуется как опасная крамола и почти неизбежно становится объектом охранного подавления. Живые силы литературы, искусства, общественных наук, буде из подполья они вырвутся на поверхность, обречены удушью. Любой случай, когда выражаемые взгляды не отвечают официальным стандартам, всякое инакомыслие преследуется с помощью целого арсенала репрессалий — от так называемых самокритических проработок (осуждения на собраниях, в печати, административные расправы) до тяжелых уголовных преследований (суды, тюремно-лагерные заключения, ссылки, заточения в психиатрические лечебницы-тюрьмы здоровых людей, лишение гражданских прав и т. п. — словом, медленное, мучительное убийство политических противников).

"Замороженность" духовного и практического сопротивления народа социалистическому режиму связана также с неисчислимыми исторически беспрецедентными издержками, понесенными действующими поколениями. На плечи трех поколений (считая поколение в 20—25-летним возрасте) выпали тяготы, лишения, жертвы, каких не знало никогда человечество: мировые войны, революция и гражданская война, эпидемия и голод 1921 г., террор против интеллигенции, коллективизация и массовый террор

против крестьянства, "раскулачивание" миллионов и в итоге физическая гибель многих миллионов от голода, массовые чистки черных тридцатых годов России, свершившие то, что не удалось соединенными силами реакции всего мира, — унесшие жизни в сталинских застенках и лагерях почти всего поколения большевиков, свершивших революцию, террор против военнопленных, опальных народов и потенциально инакомыслящих — таков далеко не полный перечень физических, интеллектуальных и моральных уронов, понесенных живущими и действующими ныне поколениями, такова мера истощения их жизненной энергии, таковы факторы, породившие их историческую усталость перед лицом необходимости исторического действия. Это не могло не сковать их политической активности, не подорвать их волю к сопротивлению и борьбе за освобождение от соцолигархии.

Во всем этом и коренится вялость социального сопротивления, борьбы трудящихся масс за свои права и интересы, попираемые соцолигархией. Именно в этом главная, решающая причина бесконечно замедленного их пробуждения к социально-политической активности и возрождению профессионально-экономической, политической и социально-культурной защиты своих действительных интересов.

Итак, соцолигархия — это сложившаяся в силу не предвиденного общественной наукой, так сказать, неклассического течения исторического процесса, специфически историческая, экономическая, социальная, политическая и социокультурная структура, общественное новообразование, которое выпадает из общей генеральной цепи исторического поступательного развития и включает в себе существенные элементы паразитизма и загнивания. Структура эта представляет собой антагонистически противоречивое соединение формально-социализированного базиса на первых ступенях его развития (или базиса переходного периода) с господством соцолигархии, которая паразитирует на этом базисе, присваивая себе все большую и большую

часть прибавочного продукта, все глубже и глубже деформируя базис и направляя его эволюцию в сторону перерождения в тупиковую историческую форму, обреченную так и не реализовать социалистических потенций, которые свойственны этому перерождающемуся базису. Перед соцолигархизмом реально вырисовывается перспектива быть отброшенным на задворки исторического процесса, потерпев решительное фиаско в использовании небывалых никогда возможностей глубочайшего преобразования производительных сил и производственных отношений в социалистических формах, адекватных научно-технической революции последних десятилетий нашего века.

Означает ли это, что безысходный исторический тупик соцолигархизма не только возможен, но и фатален, что ему нет альтернативы?

Самый вопрос незаконномерен. История не знает внеальтернативных путей движения. Исторический процесс всегда есть лишь реализация одной из многих возможностей в итоге возобладания в борении того или иного сочетания сил, факторов — объективных и субъективных, закономерных и случайных форм, стихийных и целенаправленных процессов. Соцолигархизм, хотя его вырождение в исторически тупиковую форму выступает как весьма реальная возможность, однако также не лишен альтернатив исторического развития. Они, эти альтернативы, коренятся в глубоких внутренних и внешних противоречиях его социальной структуры и ее взаимодействия с мировой средой, с современным процессом развития внешнего мира.

Как структура неэксплуататорская, соцолигархизм характеризуется прежде всего глубочайшими внутренними антагонизмами низов и верхов, трудящихся классов и трудовой интеллигенции, с одной стороны, и слоя соцолигархов и интегрированной с ним, верной ему соцолигархоструктуры, с другой стороны. Объективно, сознается это или нет, а если сознается, то независимо от

меры осознания, интересы низов противоположны интересам слоя соцолигархии. Эта противоположность интересов, коренных интересов, их антагонизм — постоянно действующее противоречие всей социально-экономической жизни соцолигархического режима. Оно накладывает свою печать на все ее интегральные и частные, даже случайные процессы и явления. Антагонизм этот состоит в противоборстве социалистических тенденций трудящихся классов и слоев и соцолигархических, эксплуататорских, узурпаторских тенденций соцолигархов и всей соцолигархоструктуры. И потому он неизбежно родит силы сопротивления низов, развивает их потенции борьбы за свои интересы, неизбежно возвращает силы оппозиции господствующей системе. И как бы ни медленно, робко и спорадически поначалу, но силы эти неизбежно должны расти, развиваться, проламывая заграждения, воздвигнутые на пути их формирования и реализации практикой соцолигархизма (от замаскированной эксплуатации и социальной демагогии до тотальной системы подавления инакомыслия).

Они, эти силы, неизбежно вынуждены искать и в конечном счете найдут формы социального и политического действия. Их властные требования и нарастающая практическая борьба еще будут потрясать до самых оснований все здание соцолигархизма, а при благоприятных исторических обстоятельствах разрушат весь этот гнусный гниющий режим. Такова реальная социалистическая альтернатива соцолигархическому тупику.

Кристаллизации сил сопротивления и борьбы, неизбежно порождаемых углубляющимся антагонистическим основным внутренним противоречием соцолигархизма, способствуют и многие мощные современные социально-культурные процессы. Прежде всего это бурный рост общего образования и культуры народа, в конечном счете через все зигзаги развития этого процесса приводящий к формированию самооценности личности, индивидуальности, расширению возможностей

ее самоопределения, пониманию ею ее подлинных интересов как интересов, неразрывных с интересами общества, в сокрушении социализма, выработке ею иммунитета против социалистической фразеологии и обмана, мистики мнимых идеологических ценностей, против социалистического манипулирования личностью, ее низведения на роли безгласной марионетки. Просвещаемая личность трудящегося, сбрасывающая путы идеологических фетишей, просвещенная личность трудящегося становится из потенциального носителя своих интересов реальным борцом за них. Потенциал образования, просвещенности, науки личности становится энергией ее общественно интегрируемого сопротивления социализму.

В том же направлении действует и научно-техническая революция, создаваемые ею условия производственного и социально-экономического функционирования трудящихся. Все большее освобождение работника от механических рутинных функций (физических и интеллектуальных), постепенное нарастание, а в будущем (может быть, не слишком отдаленном) и господство функций творческих означает вместе с тем и тем самым необходимость развития самостоятельности, свободного проявления личности, несовместимость ее деятельности с диктатом, стандартом иерархически-бюрократического подавления личности, ее творческой инициативы и ответственности. В конечном счете подавление творческих начал труда приходит в непримиримое противоречие с объективными условиями функционирования социально-производственной и экономической систем, требуемых научно-технической революцией. Потенциал самостоятельности и творчества личности, неотвратимо реализуемый всем механизмом функционирования современных производительных сил, точно так же, как и рост ее образованности и уровня интеллектуального развития, становится мощной энергией ее общественного сопротивления социализму.

Формированию личности, которая сознает свои

реальные интересы, противоположность этих интересов соцолигархизму и потому вливается в силы оппозиции, в немалой мере содействует и внешняя среда, современный зарубежный мир, оказываемые им воздействия на соцолигархический режим.

Всемерное коммуникационное единство мира становится неотвратимым и глубоко действующим фактором развития и общества в целом, и каждого отдельного человека. Радиотелезавесы бессильны против современных электронных средств коммуникаций, которые делают общедоступными все богатства аккумулируемой в мире информации.

В том же направлении действует и ширящееся общение соцолигархического общества с внешним миром в форме личных контактов (деловые поездки за рубеж, научные и культурные обмены, туризм и т. п.). Мифы соцолигархизма размываются и под воздействием мощных потоков гуманитарной культуры и демократии Запада (как ни противоречивы формы этого воздействия из-за капиталистических наслоений, специфических деформаций, с ними связанных).

Каковы же главные, решающие социально-исторические тенденции развития, вызываемые к жизни глубочайшими антагонизмами, свойственными соцолигархизму и углубляемыми всей совокупностью факторов все более и более и в их внутренних, и в их внешних аспектах?

Имея в виду самые общие, глобальные общественно значимые такие тенденции, следует назвать три: социалистическую, соцолигархическую, соцтехнократическую.

Социалистическая тенденция объективно вытекает из существования (хотя и существенно деформированного) формально социалистического базиса и, следовательно, из интересов трудящихся классов и интеллигенции, жизнедеятельность которых неразрывно связана с его функционированием. Эта тенденция к разрешению основного противоречия соцолигархизма путем взрыва всей этой структуры,

ликвидации слоя соцолигархов, преодоления деформаций социалистического базиса, создания надстройки, адекватной базису, т. е. основания и развития общества подлинного социализма, в котором бы соединялись общенародный коллективизм, равенство и демократия в производстве, экономических, политических и социально-культурных отношениях, в котором, следовательно, органически сплавлялись бы социалистический характер базиса с социалистическим характером надстройки. "Социализм, — писал Ленин, — невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не готовится к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии"².

Соцолигархическая тенденция объективно заложена в господстве соцолигархии с ее своекорыстными интересами. Это тенденция к консервации соцолигархизма, к его политической, экономической и социальной консолидации, к преодолению его противоречий свойственными ему методами социальной демагогии, тоталитарного подавления в комбинации с частичными уступками, лавированием, подкупом и разложением трудящихся, изоляцией масс от сил сопротивления.

Соцолигархическая тенденция реализуется также и в формах правосословного закрепления привилегий всяческого рода. Правосословное оформление соцолигархии многообразно: правовое закрепление кастово-привилегированных и обособленных верхушек — партийная и государственная "номенклатура", военный, охранный, а также охватывающий все ширящийся круг гражданских отраслей деятельности (дипломатия, юстиция) "табель о рангах", т. е. пожизненное закрепление чиновничье-кастовых преимуществ и прав; фактически наследственные преимущества в закреплении должностей олигархии, в частности при помощи

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.128

предоставления детям олигархов неограниченных преимуществ в получении высшего образования и совершения карьеры под беззастенчивой опекой отцов, использующих свои связи; развитый непотизм; внутриолигархические браки, накопление крупных потребительских имуществ, передаваемых по наследству, и т. д. Все это окончательно заводит соцолигархизм в тупик исторического застоя, гниения и вырождения.

Соцтехнократическая тенденция — это скорее особое проявление соцолигархической тенденции, обусловливаемое попытками известных элементов соцолигархии (их бы можно обозначить как технократические) приспособиться к требованиям современной научно-технической революции путем замены малокомпетентной верхушки партийно-государственной олигархии у кормила власти верхушкой технократии (хозяйственной и военной) — более современной, более гибкой, более органичной современным производственно-экономическим и военным структурам. В этом, между прочим, заключена реальная возможность узурпации власти своеобразным блоком милитаристской и хозяйственной олигархии. Однако технократической разновидности соцолигархизма свойственны, по сути дела, те же коренные пороки и противоречия, что соцолигархизму вообще. И потому она обречена на движение в тот же исторический тупик, хотя, может быть, и более медленно.

Исход борьбы этих трех тенденций исторического развития зависит от энергии носителей каждой из них, от силы проявления субъективных факторов и исторических шансов успешности их реализации, умения использовать благоприятное сочетание этих шансов.

Таков тот исторический фон, которым и определяется борьба за победу социалистической тенденции блока тех социальных сил, которые враждебны соцолигархизму и неизбежно рождаются рассмотренными выше его антагонизмами. Чем сознательнее будут действия этого блока, чем более он будет вооружен ясным пониманием путей завоевания подлинного

социализма, ликвидации его язв и деформаций и сумеет донести эти знания до широких масс трудового народа, тем перспективнее будет его борьба и возможная победа.

2. К ГЕНЕЗИСУ СОЦОЛИГАРХИЗМА

Революция в октябре 1917 г. по ее историческому содержанию и значению — по характеру движущих сил, сущности власти, по направлению, сообщенному ею социально-экономическому развитию страны, по ее воздействию на всемирно-исторический процесс — была Великой социалистической пролетарской революцией.

Справедлива ли, однако, такая оценка в свете более чем полустолетнего опыта, в свете непреложных фактов перерождения социально-экономической структуры, созданной революцией, в соцолигархизм, этот антипод социализму, социалистической демократии? Не реалистичны ли оценки социал-демократических критиков большевизма — Каутского, Плеханова, Мартова и многих других? Они, как известно, расценивали Октябрьскую революцию как бланкистский выкидыш истории, обрекавший Ленина и большевиков на полное поражение в их борьбе за социалистические цели. Или буржуазных критиков, которые в Октябре видели только русский феномен, стечение обстоятельств, вызванных проигрышем войны? Разложение царизма, феодально-капиталистической верхушки общества, разруха, голод, стихийное возмущение невежественных озлобленных масс народа, новый пароксизм извечной борьбы крестьянства за землю, противоречия между угнетенными и угнетающей нациями империи — все это толкало Россию в руки произвольной диктатуры, далекой от социализма.

Не был ли Октябрь, как полагают иные экономисты-историки, по его сущности крестьянской революцией, новым взрывом вековой борьбы крестьянства за землю и волю, переплетенной с элементами преждевременной пролетарской революции, но с несравненно меньшим у последней потенциалом движущих ее сил и потому не определявшей общее социально-историческое содержание Октября, хотя она и облекла его в

пролетарские социалистические одежды с идеологической стороны? Не оставался ли Октябрь и в этих одеждах по своей сути, по историческим закономерностям революцией русских крестьян?

В свете исторического опыта все эти и подобные им вопросы вовсе не лишены серьезных оснований. Однако же мы все же поддерживаем концепцию Октябрьской революции как революции социалистической. Но как же это увязывается с тем историческим результатом, к которому пришла Россия, с утверждением социалистического строя?

Это вскрывает анализ исторического процесса в целом, сущностных факторов этого процесса, гаммы возможных направлений его развития, сочетания объективно возможного, необходимого и случайного в его протекании.

Под громовые удары всероссийского катаклизма, на руинах царизма, сметенного стихийным взрывом февральской революции, в условиях растерянности и бесплодных метаний анемичной власти блока буржуазии и мелкой буржуазии городов, не способного решить ни одного неотложного вопроса спасения страны, необыкновенно быстро (даже по революционным меркам) сложился и окреп политический блок рабочих, солдат, большей части крестьянства (по преимуществу мало- и среднеимущего), трудящегося городского люда и известной части демократической интеллигенции, возглавляемой социалистической партией большевиков. В немногие месяцы, от февраля до октября 1917 г., этот блок превратился в определяющую силу, которая и совершила октябрьский переворот. Природа революции однозначно выступает в совокупности решающих событий.

Во-первых, к власти пришел блок трудящихся классов и слоев населения при гегемонии пролетариата, правящей стала его партия — рабочая партия большевиков.

Во-вторых, это была народная революция в точном значении данного понятия (а не бланкистский переворот),

о чем свидетельствует сначала быстрая повсеместная, практически почти бескровная (или, как в Москве, достигнутая малой кровью) победа новой власти на громадных территориях Российской империи; далее — изумившая весь мир победа новой власти измученного, разоренного, голодного, но неуклонно революционного народа в тягчайшей четырехлетней войне и борьбе с западными и восточными интервентами. Это было бы совершенно невозможно, не будь революция действительно народной, не будь созданная ею власть реально прочно и терпеливо поддержана шедшими за ней народными массами.

В-третьих, власть, созданная революцией, была по своей природе демократической диктатурой пролетариата. Диктатурой она была, поскольку опиралась на прямое насилие, не связанное с законом; диктатурой пролетариата, ибо осуществляла ее партия пролетариата и Советская власть, созданная рабочими, крестьянами и солдатами; демократической диктатурой, ибо опиралась на прямую непосредственную демократию снизу доверху, на длительно устойчивый подъем революционной политической активности народных масс.

В-четвертых, она в короткий срок единым ударом решила коренную задачу социалистической революции — экспроприацию крупной и средней буржуазии — и превратила в общенародную собственность решающие средства производства и обмена. С образованием социалистического уклада народного хозяйства было положено начало эпохе перехода к социализму.

В-пятых, были также радикально решены задачи не справившейся с ними буржуазно-демократической революции — осуществлена бескомпромиссная чистка страны от пережитков феодализма и царизма: ликвидировано помещичье землевладение и хозяйство, земля разделена между крестьянами ("социализация"), уничтожен сословный строй и аппарат царской власти, покончено с феодально-империалистическим колониальным угнетением народов империи и т. д.

В-шестых, было положено начало, при скудости ресурсов того времени, улучшению материального быта трудящихся, и развернулась культурная революция.

В-седьмых, хотя Октябрьская революция и была лишь единственной победившей в то время пролетарской революцией в послевоенном мире, сотрясавшемся первые несколько лет волнами революционного подъема и взрывами пролетарских революций, она оказала громадное непреходящее воздействие на мировой революционный процесс, на течение всемирной истории.

Решение всех этих задач (кроме общедемократической, специфически крестьянско-революционной) принципиально выходит за рамки даже самой радикальной крестьянско-демократической революции. Они, вместе взятые, образуют классическое содержание пролетарско-социалистической революции. Это и есть свидетельство того, что Октябрьская революция по ее решающим движущим силам и социально-историческому ее смыслу, а не только по ее идеологическому самосознанию, идеологическим одеждам или по скоропреходящим политическим формам, была революцией социалистической. Крестьянство было одной из могущественных движущих сил, но только как союзник ее решающей силы — пролетариата — реального и безраздельного гегемона революции. И потому это была социалистическая революция и по социальному содержанию, и по политическим формам, и по исторической миссии. Конечно же, все это сочеталось со многими специфически историческими русскими особенностями, которые налагали глубокую печать на весь революционный процесс, но его сущности это не изменяло.

Какие же исторически объективные возможности социально-политического развития страны открывала эта революция? Какие противоречия заключали в себе эти возможности? Какие социальные силы стояли за каждой из возможностей?

Объективно были возможны три принципиально различных пути социально-политического развития,

становление трех типов социально-исторических структур дореволюционного общества:

последовательно социалистический — создание экономического, социального и политического строя социализма; социалистическое преобразование общественных отношений; утверждение развитой демократии бесклассового общества;

пути буржуазной реставрации — поражение пролетарской диктатуры либо в гражданской войне, либо в процессе эволюции переходных отношений, возвращение строя капитализма в той или иной политической оболочке (буржуазно-демократической, фашистско-диктаторской, военно-милитаристской);

утверждение социализма — при построении формально социалистического базиса поражение рабочего класса в деле создания адекватной ему социалистической демократической надстройки, прежде всего политической демократии; перерождение диктатуры пролетариата в диктатуру его партии над пролетариатом и другими трудящимися; превращение этой последней в персональную диктатуру и утверждение социализма.

В реальной истории второй путь — буржуазной реставрации — оказался нежизненным. Слабая российская буржуазия была сломлена в гражданской войне и не смогла впоследствии оказать сколько-нибудь существенного прямого воздействия на судьбы социально-политического развития страны (впрочем, косвенно, вооруженным сопротивлением революции, развязыванием и ведением длительной ожесточенной гражданской войны, она такое влияние, и немалое, оказала).

Борьба на протяжении полувека происходила и происходит между двумя историческими альтернативами: социалистической и социалистической.

Каковы объективные исторические факторы, исторические потенции, на которые опирались возможности социалистической альтернативы? К ним следует отнести:

самую победу революции и утверждение демократической диктатуры пролетариата, возглавленного рабочей марксистской партией большевиков;

победу новой власти в гражданской войне и вооруженной борьбе с интервенцией, что исключило военную реставрацию капитализма;

политический блок большей части народа, доказавший свою силу и надежность выигравшем гражданской войны и победой над интервентами; именно союз рабочего класса с крестьянством делал объективно возможным осуществление в последующем демократических форм диктатуры пролетариата и строительство социализма;

революционный размах социально-политического творчества народа, стихийное развитие форм прямой демократии;

крупная и непрерывно продолжающаяся возрастать роль профессиональных союзов, их реальное социально-политическое влияние; развитие демократической самоорганизации крестьянства, его гражданская активность;

разрешение национальной проблемы и создание союза национальных государственных образований; развитие национальной автономии и самоуправления;

исторически небывалое по темпам и масштабам просвещение народных масс, создание народной интеллигенции — словом, беспрецедентная подлинная культурная революция;

необыкновенно успешное, превзошедшее всякие ожидания осуществление новой экономической политики, которая объективно могла бы быть дополнена новой политикой создания демократической структуры государства и демократических форм и институтов гражданского общества переходной к социализму эпохи;

послевоенный подъем революционной борьбы пролетариата капиталистических стран; поддержка мировым пролетариатом и демократическими слоями Запада русской революции;

наличие опытной, прошедшей испытания революции и гражданской войны рабочей партии марксистов-большевиков.

В совокупности это мощные факторы, социальные потенции реальности возможной победы социалистической демократической альтернативы. Однако это была лишь одна из альтернатив. Второй, в конечном счете взявшей верх, была альтернатива утверждения соцолигархизма.

К коренным факторам и социальным силам, создавшим возможности победы этой альтернативы, следует отнести:

прежде всего и главным образом тот факт, что пролетарская революции совершилась в крестьянской стране, где темное, забитое патриархальное и полупатриархальное крестьянство составляло около 4/5 населения страны при относительной малочисленности пролетариата (особенно кадрового). Крестьянский океан создавал опасные напряжения в новой послереволюционной структуре советского общества. Крестьянство, связанное тысячами нитей с пролетариатом (многие рабочие — вчерашние крестьяне), оказывало на него мелкобуржуазное, антисоциалистическое влияние. Крестьянский человеческий материал (по его социально-историческому и психологическому облику) представлял собой превосходный строительный материал для будущей соцолигархоструктуры;

далее, тот кардинальной важности факт, что Россия была а страной, которая не прошла какой-нибудь, хотя бы начальной, школы политической демократии, что народ не знал никаких демократических институтов. Столетиями взращенная царистско-азиатская идеология ничтожности и полного бесправия личности, деспотического всевластия верхов, их бесконтрольности не могла быть сколько-нибудь серьезно подорвана несколькими месяцами буржуазно-демократических порядков Февраля. Недолгая практическая народная власть пролетариата была далеко не последовательна и причудливо

соединена с гипертрофией государственного насилия, массовыми карательными мерами и террористическими расправами (расстрелы заложников, уничтожение бунтующих деревень, массовые жестокие внесудебные преследования классово чуждых элементов по простому подозрению во враждебной деятельности или хотя бы в высказываниях), произволом, самодурством властей, разгулом милитаристско-бюрократического командования массами и т. д. Словом, то, что Россия совершила пролетарскую революцию, не пройдя великой школы политической демократии, было еще одним тяжелым противоречием ее социалистического преобразования;

трагическое значение имело и то, что подавляющие массы населения вовсе не утвердились в правах личности, не знали ее автономии и господства законов ее самоценности. Личность в России оставалась аморфным элементом общины или — в городах — сословия, чина, она еще не успела оборвать (по крайней мере психологически) порабощавших ее патриархальных связей с "миром", сословием, чиновным классом.

Не оформившаяся, не утвердившаяся в своих правах личность была к тому же опытом веков приучена покорно сносить свое безгласное бесправие, произвол властей, унтерпришибеевщину, раболепствовать перед насильничавшими властями. Диктатура же пролетариата и в ее демократических формах первых лет по самой своей сути не была инструментом насаждения правовых начал, правовых действий государства. Логикой борьбы она, как это будет показано ниже, вынуждена была систематически и грубо попирать элементарные правовые начала, а вместе с ними и правосознание личности;

следующее обстоятельство (по месту, а не по значению, реально оно играло если не решающую, то первостепенную роль) — партия большевиков, которая сложилась в условиях царского абсолютизма, готовясь к его ниспровержению, в этих особых обстоятельствах довольно абстрактно, упрощенно, можно даже сказать, исторически беззаботно относилась к проблеме политической демократии. Практически она не видела и

не осознавала того, что вне политической демократии невозможен реальный социализм (хотя словесные заявления на сей счет и делались). Не видела в действительности того (скажем, забегая вперед, — и в этом состоял важнейший урок полувековой истории после Октября 1917-го), что инструмент политической демократии нельзя смешивать с его специфически буржуазными формами использования, что эти последние отбрасываются, а самый инструмент остается, ибо он такое же необходимое завоевание цивилизации, как, скажем, и машинное производство. Без сохранения этого инструмента и социалистического преобразования форм его исполнения одним только преобразованием производственных отношений социализм создан быть не может.

Ленин не раз трактовал проблему "демократия и социализм", в частности в "Государстве и революции", но не сумел ее поставить сколько-нибудь исторически реально, как проблему политического механизма согласования, сбалансирования интересов различных слоев социалистического общества, исключающего возобновление интересов правящего слоя; он предавался иллюзиям, утопическим мечтаниям о том, что все сумеют и будут "управлять государством" ("каждая кухарка"), а от бюрократии спасет сменяемость чиновничества и его оплата на среднем уровне оплаты рабочих. Будто бы в этом состоит действительная проблема и ее решение.

Внутренние проблемы и трудности на пути социалистического развития были переплетены с не менее тяжелыми внешними проблемами. Большевики шли на Октябрьский переворот в убеждении, что это будет лишь первый акт мировой социалистической революции, что русская революция проложит дорогу немедленно за ней последующим пролетарским революциям в Европе, по крайней мере в Германии, Австро-Венгрии, а может быть, и в лагере держав-победительниц. Этим расчетам не суждено было сбыться. Россия осталась единственной страной победившей революции, со всех сторон окруженной странами

капитализма. Необходимость строить социализм в одной, к тому же отсталой, стране вызвала глубочайшие противоречия и трудности протекания всего этого невиданного в истории процесса.

Беспримерные тяготы развития русской революции были многократно усилены четырехлетней гражданской войной, иностранной интервенцией, разрухой, доведшей почти до полного паралича хозяйство, голодом, холодом, эпидемиями, массовым бандитизмом, международным экономическим бойкотом и т. д.

Вынужденный военно-коммунистический режим "осажденной крепости" неизбежно толкал к гипертрофии насильственно-диктаторских форм государственной власти. Монополия одной партии при ликвидации деятельности оппозиционных партий сняла всякие ограничения с всевластия, а тем самым и с произвола. Элементарные свободы — убеждений, слова, печати, массовых действий, забастовок и пр. — были подавлены. Диктатура шаг за шагом лишалась своих демократических форм, а непосредственная народная демократия народных низов, революционное полководье социально-политического творчества масс подрывались, хирели, свертывались. Военно-бюрократическое командование массами, опиравшееся на голое насилие, разрасталось, охватывая все звенья общественной структуры. Растущая злокачественная опухоль бюрократии, удушающей живую политическую деятельность народа, грозила самым основам социалистического развития.

Красный террор — вынужденный, но роковой по трагическим политическим последствиям, по воздействию на общественную психологию, ответ на белый террор — возводил силу и насилие в абсолют, полностью зачеркивая правовые начала. В ходе борьбы диктатура насилия становилась тотальной; право отбрасывалось как ненужные путы.

Война, тяжелая отчаянная борьба против внутренних и международных сил реставрации на фронтах, сдавливавших пролетарскую республику, вместе с массовым героизмом, самопожертвованием, величайшим

взлетом революционного подвижничества народа, его духовных сил возвращала и милитаризм властей, милитаризовала и саму партию, ее кадры, в их числе и кадры старых революционеров. Революционная самодеятельность, демократизм коммунистов-партийцев вытеснялись бюрократическим милитаристским автоматизмом нерассуждающего подчинения. Втягивание в партию новых сотен тысяч, а затем и миллионов, и вовсе не знавших революционно-демократической школы, создавало еще более питательную почву для казарменного автоматизма подчинения и действий.

Паразитировавший на нищете, невежестве, разрухе государственный аппарат, безмерно разбухший и непрерывно разраставшийся под воздействием сверхцентрализма, главкизма, распределенчества, впитав в себя массы старого чиновничества, шаг за шагом бюрократизировался еще в большей мере, чем аппарат партии. Отсутствие всякой легальной оппозиции, подавление самомаleastших проявлений политической критики, лишение ее всяких средств выражения (печать, собрания), подавление оппозиции в самой партии — все это сняло какие бы то ни было преграды на пути всеохватывающего бюрократизма, произвола, необузданного насилия над трудящимися массами.

Формула Ленина о рабочей власти с "бюрократическим извращением" отражала лишь полуправду, скрывала реальное положение вещей. Бюрократические милитаристские силы в партии и государстве далеко выходили за рамки "бюрократических извращений", они рождали новый социальный процесс — процесс складывания общественного слоя, который стоял у кормила власти, в слой, не только проникшийся идеологией, но и упивавшийся практикой всемогущества милитаристской бюрократической машины, абсолютностью, всемогуществом своей власти, волюнтаристским усмотрением, произволом, пренебрежением правом, всякими правовыми началами. Симптоматичны идеи Троцкого времени перехода от

войны к миру — "милитаризация" экономики, профсоюзов и т. п.

Особенную силу набрали эти тенденции к исходу гражданской войны, когда во всем объеме сказывались последствия массового деклассирования всех слоев пролетариата, физической гибели его кадров на фронтах, апатии, усталости и прямого физического истощения людей, с одной стороны, и дал себя знать глубокий кризис союза рабочего класса и крестьянства, массовый разлив настроений крестьянской контрреволюции, с другой стороны.

Все это лишь усиливало всевластие правящих верхов. Оно сочеталось с закреплением в целостности и сохранности, в абсолютной неприкосновенности аппарата насилия и массового террора с его кадрами, которые успели в немалой мере переродиться, в силу логики непрерывных массовых расправ, в некую "красную опричнину", в безыдейную жандармско-полицейскую силу — верную опору властвования партийно-государственной бюрократии. Правда, силу эту, эксплуатируя привычную романтическую традицию, пафос революционной самообороны времен первых шагов пролетарского государства, все еще драпировали в одежды чекистских "рыцарей революции".

Развилась общественная психология оправданности массового насилия во всех и всяческих случаях жизни, массовых репрессий, упреждающих возможное сопротивление. Личность, и без того не высоко ценившаяся в России, была и вовсе раздавлена. Садистское всеразрешающее "к стенке" заменяло право и суд. Вместо права воцарилась расправа, едва лишь прикрытая флером "революционной совести", "революционной законности", которыми в лучшем случае управляла слепая классовая ненависть.

Вооруженная братоубийственная классовая война и затопивший страну террор — и белый, и красный — породили невиданную и неслыханную на Руси жестокость, попрание и растаптывание человека, его достоинства. Общественной нормой стало безусловное верховное

одобрение массовых расправ, жертвами которых становились и сами трудящиеся классы, и особенно интеллигенция. А. А. Ахматова гениально сформулировала мироощущение того времени: "Я за любовь платила чистоганом, я двадцать лет стояла под наганом".

В этой полной трагизма и глубочайших исторических противоречий безысходно-тяжелой обстановке окончившейся гражданской войны и складывались начала социализма. Но пора господства социализма еще не настала. Несколько первых лет после окончания гражданской войны — это историческая полоса решительной борьбы двух альтернатив, двух путей развития пореволюционного общества — социалистического демократического и социалистического.

Исторически реальная возможность взять верх первой из альтернатив опиралась в противовес противоборствующим силам и условиям на мощные социальные факторы. Из кризиса военно-коммунистической экономики страна вышла блестяще за какие-нибудь полтора-два года за счет последовательно проводимой новой экономической политики. Грозивший развалом блок рабочего класса, крестьянства и интеллигенции не только выдержал кризис, но и на новой экономической базе окреп. Это было прямым следствием того, что трудящиеся классы и слои при правильной политике (нэпе) были материально и социально заинтересованы в сохранении Советской власти и социалистическом пути развития. Возникший социалистический экономический уклад представлял собой реальный базис социалистического преобразования общества. Импульсом этого развития служила и владевшая массами социалистическая мессианская идеология, порожденная революцией и закалившаяся в горне гражданской войны и борьбы с интервентами.

Социальные силы и объективные тенденции социалистического демократического развития не

представляли собой лишь некие аморфные факторы потенциально возможного будущего процесса. Как ни далеко зашло перерождение значительных слоев правящей партии, их становление некой преобладающей соцолигархией, в рядах партии все еще преобладали мощные силы, способные и готовые поддерживать социалистически демократический путь развития, бороться против опасности соцолигархического перерождения. Об этом свидетельствует многое: позиция Ленина в последние годы жизни — он видел опасность перерождения и обдумывал меры против него; позиция все еще сохранивших свою социалистическую революционную закалку большевистских ленинских кадров; троцкистская оппозиция; рабочая оппозиция, децисты и т. д. Все это хотя и противоречиво, но определенно обнаруживало наличие таких сил.

Конечно, задача перед ними стояла огромная — равнозначная нэпу, но в политической области. Для того, чтобы социалистический демократический путь осуществился, нэп должен был быть дополнен коренной перестройкой сложившейся в эпоху военного коммунизма политической надстройки — созданием демократического режима представителей власти, которая бы реально, по мандату народа, получаемого не одной, а рядом соревнующихся партий, представляла и защищала интересы всех социальных сил, выступающих за социализм, гарантировала бы их интересы надежно, эффективно действующими институтами.

Словом, новая экономическая политика должна была быть дополнена, органически слита с новой политикой радикальной демократизации власти, перестройкой ее на началах парламентарно-представительных форм диктатуры пролетариата, со свободой и состязательностью партий, стоящих на платформе социализма, свободой слова, массовых политических действий групп населения, свободой печати и т. п. Только так могло быть предотвращено развитие соцолигархизма.

Однако на пути такого развития стояли уже сложившиеся и успевшие набрать силу группы — носители

соцолигархических тенденций, значительные прослойки, осуществлявшие власть диктатуры пролетариата, которая в значительной степени утратила свои демократические формы и превратилась в диктатуру над пролетариатом правящей партии. Такова была эта уже сложившаяся сила, толкавшая страну по пути соцолигархизма. Иными словами, за ней (диктатурой над пролетариатом) как ее социальный оплот стоял уже более или менее оформившийся слой — значительная часть бюрократической милитаристской верхушки власти, которая опиралась на мощный, вышколенный, беспрекословно послушный, не стесненный никакими правовыми нормами, цинически безнравственный, опытный аппарат массового насилия.

Итак, сталкивались, находясь известное время в состоянии равновесия, два пути, за которыми стояло объективно непримиримое глубочайшее противоречие интересов социалистического блока рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции, с одной стороны, и сложившейся в качестве особого слоя немалой части бюрократической милитаристской верхушки власти, с другой стороны.

Каждая из тенденций имела определенные шансы на победу, каждая из двух возможностей развития могла стать реальностью. Все зависело от того, какой из сил, находившихся во временном и неустойчивом равновесии, сталкивавшихся в обстановке нерешенности, неизвестности исхода борьбы, удастся взять верх. Тут многое, если не все (как это обычно и бывает в реальной истории), решалось случайным сочетанием конкретно-исторических факторов: типом исторических деятелей, стоявших у кормила власти, их умением и намерениями оседлать одну из объективных возможностей развития, пониманием социальных сил инерции и способностью противостоять ей, подручными рычагами власти, оказавшимися в их распоряжении, и т. п.

Истории русской революции именно в этот ее момент, когда скрестились объективные возможности развития и случайные воздействия на них активности

действующих лиц исторического процесса, деятельностью которых и могли быть превращены эти возможности в действительность, т. е. когда решался исход борьбы противоборствующих сил, фатально, роковым образом не повезло. Историческая случайность сыграла трагическую роль с судьбами русской революции, подбросив ей в решающий, переломный момент ее развития несчастную смену лидеров: смерть Ленина и приход к абсолютной власти Сталина.

Ленин, решившийся на великий акт введения нэпа, ясно видел (об этом свидетельствуют все доступные изучению документы и материалы) политические и социальные опасности бюрократического милитаристского перерождения. Может быть, когда-нибудь станет известно, что им готовилась новая демократическая политика, радикальная перестройка структуры и форм власти, которая дополняла бы и завершила нэп и обеспечила бы социалистическое демократическое развитие. Но как бы там ни было, если Ленин и был готов к этому, смерть настигла его на пути к возможным его действиям в этом направлении³.

Сталин был плоть от плоти бюрократического милитаристского аппарата. Нельзя сказать, чтобы он сознательно шел к персональной диктатуре (может быть, это и так, но документов по этому поводу мы не знаем, да это и не имеет существенного значения). Решало то, что он был законченным представителем бюрократических милитаристских методов в тех их формах, в каких они

³ *Надо заметить, что какова бы ни была позиция Ленина по данному кардинальному вопросу для самих судеб революции к концу его жизни, на нем объективно лежит ответственность за культивировавшуюся им долгое время (до и после революции) глубокую недооценку роли демократии для победы социализма — демократии и в партии, и в государстве, и за то, что на верхах власти с его ведома и по его выбору оказались как носители бюрократических милитаристских тенденций, будущие социолитархи (Сталин и др.), так и люди, не бывшие в состоянии дать этим тенденциям отпор (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин и др.).*

сложились в эпоху военного коммунизма и вышли из него. Символ веры Сталина, вся его политическая премудрость состояли в том, чтобы "варварскими методами" (прямого, ничем не стесняемого террора) гнать страну "от варварства к высотам социалистического прогресса". Опираясь на соцолигархический слой, только что нарождающийся, полновластно распоряжаясь аппаратом насилия, Сталин пустил в ход эти методы в невиданных масштабах и с беспрецедентной жестокостью.

Лидеры и слои верхушки, которые были бы способны возглавить социалистическое демократическое развитие, противостоять соцолигархическим тенденциям, были быстро и легко сметены с политической арены. Далее действовала сама себя воспроизводящая, неотвратимо и во все более широких масштабах, соцолигархическая тенденция.

Аппарат власти еще больше централизовался и бюрократизировался, железной рукой выкорчевывались остатки демократизма. Олигархо-бюрократические силы и тенденции быстро и надежно консолидировались. Но тем не менее известное время деятельность аппарата власти была направлена на решение объективно социалистических задач создания материального базиса социализма: развитие социализированной индустрии (индустриализация страны), обобществление крестьянского хозяйства и подведение под него современной технической основы, обобществление обмена, вытеснение эксплуататорских элементов города и деревни. При этом, однако же, социалистические задачи уже решались соцолигархическими методами. Трудящиеся классы из субъектов исторического действия, революционно-активных творцов и участников отношений социализма, какими вышли из горнила революции, шаг за шагом превращались в объект грубого тотального бюрократическо-милитаристского принуждения. Индустрия создавалась за счет не знавшего границ наступления на жизненный уровень трудящихся, расточения их сил, здоровья, жизни, вровень с которыми могут разве что идти подвиги первоначального

накопления капитала.

Любые проявления протеста удушались. Началась массовая карательная политика против рабочего класса и крестьянства. Апогея полицейско-террористической расправы злобное кровавое натравливание одних слоев на другие достигло в процессе насильственного обобществления крестьянского хозяйства. Так называемая "революция сверху", якобы поддержанная "снизу" крестьянством, на деле представляла собой неслыханное в истории истребление большей части собственного народа, кровавую оргию прямо-таки апокалипсических масштабов. Массовый террор, депортация и физическое уничтожение миллионов крестьян (так называемая ликвидация кулачества как класса), разорение других миллионов крестьян, обрекавшее их на голодную смерть, — такова была расправа с крестьянством сталинской олигархобюрократии. Гекатомбами трупов, реками крови, пепелищами и опустевшими вымершими деревнями, заброшенными землями, запустением, как после татарских набегов, оплачивалось "социалистическое" преобразование деревни, коллективизация российского мужика.

Во всех этих трагических событиях и был повинен социалистический способ разрешения противоречий переходной экономики в экономически отсталой стране, какой была Россия времен нэпа.

Можно выделить три коренных противоречия этого периода.

Во-первых, страна, которой Октябрьская революция сообщила мощный импульс к социалистическим преобразованиям, объективно должна была в кратчайшие исторические сроки ценой мобилизации всех человеческих и материальных ресурсов создать современный индустриальный потенциал. Без этого не только не могло быть осуществлено социалистическое преобразование страны, но и реально нависла угроза потери ее суверенитета. Разумеется, решение такой грандиозной задачи требовало предельного напряжения

сил народа. Было два альтернативных пути ее решения: либо путь социалистический демократический на началах развязывания революционно-демократической инициативы, активности, социалистического исторического подвижничества народа (подобно тому как это бывает в эпохи национальных катастроф, таких, как войны, чему пример — гражданская война и война против фашизма), либо, как это произошло, путь соцолигархического насилования народа.

Во-вторых, глубокое противоречие периода состояло в том, что преобладающее в стране крестьянство, которое в качестве класса-труженика шло в союзе с рабочим классом на строительство социализма, в то же время в качестве класса мелкотоварных производителей стояло за свободу рынка, наживы, соблюдения своей выгоды. Нужный стране хлеб и продовольствие оно старалось использовать как орудие выкачивания дополнительных благ за счет города. И это противоречие могло быть решено социалистической демократической политикой рационального эквивалентного обмена; реально же оно решалось соцолигархическим путем brutального насилия над крестьянством (чрезвычайные меры, раскулачивание, насильственная коллективизация).

В-третьих, противоречие заключалось в том, что нэп открыл шлюзы росту нэповской буржуазии и кулачества с их антисоциалистическими тенденциями и установкой на буржуазную реставрацию в перспективе. И это противоречие могло быть преодолено либо социалистической демократической политикой решения проблемы "кто кого" на путях обеспечения экономического превосходства социалистического уклада над буржуазно-кулацким, либо, как это и случилось в действительности; на путях соцолигархической административно-террористической расправы с нэповской буржуазией и кулачеством.

Все эти способы соцолигархического разрешения противоречий экономики нэпа не были безразличны для судеб соцолигархизма; они, коль скоро были пущены в ход, питали процессы роста сил соцолигархизма,

окончательного его созревания, упрочения свойственных ему форм — и политических, и социально-экономических.

В террористическом разгуле полицейско-милитаристской, олигархо-бюрократической практики социальных преобразований набирает силу, становится все более всеобъемлющей соцолигархическая тенденция развития. Сложившийся бюрократический милитаристско-полицейский аппарат диктатуры над народом обретает прочные формы, разрастается и становится окончательно враждебным трудящимся. Вместе с тем и именно вследствие этого семимильными шагами идет и превращение верхушки этого аппарата в противостоящий, враждебный народу слой соцолигархов.

Народ бедствует и голодает. Рабочему классу натуго затянули пояса, реальная заработная плата доведена до уровня ниже дореволюционного. Крестьянство голодает и миллионами вымирает от голода, брошенное властями на произвол судьбы. (Голод на Украине 1932/33 г. унес семь миллионов человеческих жизней. Эту трагедию с беспощадной правдой, со сковывающим читателя ужасом перед кошмаром преисподней, созданной руками недочеловеков, поведал Василий Гроссман в его новеллах-памфлете о сталинщине "Все течет". Факты этой невообразимой, невысказанной трагедии засвидетельствованы перед всем миром с точностью протокола в мемуарах Хрущева. Но ведь никто еще не рассказал о миллионах погибших крестьян, насильственно перегонявшихся в Сибирь).

В то же самое время властвующая партийно-бюрократическая верхушка от стоического самоограничения, аскетизма 20-х годов, как бы скачком, всего за несколько лет (конец 20-х — начало 30-х годов) переходит к буржуазному образу жизни в его самых вульгарных нуворишеских чертах — фактические доходы непомерно раздутые, превышающие заработную плату рабочего в десятки раз, специальные пайки и столовые, особые магазины, мастерские, дачи, виллы, специальные курорты, персональные машины, яхты, особые дорогостоящие развлечения, охота, путешествия,

специальные школы и даже вузы, специальные больницы и особые кладбища — словом, отдельно от народа, за счет народа, против народа. Подлинный пир во время чумы — голодного и холодного бедствия народного.

Общественный слой, ставший из привилегированного партийно-государственного аппарата сложившейся соцелигархией, озабочен закреплением своей щедрой доли в государственном пироге, за который он так жадно ухватился.

И тут снова позаботилась история, предоставив в распоряжение соцелигархии аппарат массового насилия. В кровавом безумии сталинских социальных преобразований аппарат этот еще и еще увеличивается и снова перерождается теперь уже в сталинскую опричнину, и вовсе потерявшую остатки прикрывавшей ее красной чекистской окраски.

Каков же трудновообразимый путь массового палачества, насилия над миллионами и истребления миллионов и миллионов людей всех классов и слоев населения проделывает этот аппарат за какое-нибудь одно-единственное десятилетие! Начало 20-х годов — расправа с остатками старых российских буржуазных классов и неудобных слоев населения: с дворянством, буржуазией, белым офицерством, сопротивляющимся крестьянством, бунтующими матросами, казачеством, нацменьшинствами на Востоке. Середина и конец 20-х годов — все ширящиеся расправы со старой интеллигенцией, с крестьянством, сопротивляющимся "чрезвычайным мерам", и, наконец, полицейско-жандармские расправы с оппозицией в самой партии (полицейская ликвидация троцкистов, правых, национал-уклонистов — тюрьмы, ссылки, убийства), как и со всяким иным инакомыслием, в частности, преследования на религиозной почве, жестокие расправы с сектантами. Конец 20-х — начало 30-х годов (о чем уже говорилось), расправа учиненная над миллионами и миллионами русских, украинских, белорусских, кавказских, среднеазиатских и других крестьян. В угаре антикрестьянских оргий и завершается складывание

аппарата насилия специфически соцолигархического характера.

Но историческое значение всех этих процессов несравненно существеннее. дело в том, что, осуществляя с помощью массового террора социальное перепахивание страны, бюрократическо-милитаристская верхушка партии и государства сплетается с верхушкой гигантского аппарата насилия и окончательно превращается в соцолигархию с ее соцолигархоструктурой. Диктатура партии над пролетариатом становится персональной диктатурой Сталина — выразительницей и защитницей интересов этого нового паразитарно-эксплуататорского господствующего слоя режима соцолигархизма.

Таким образом, не Сталин породил, создал, насадил соцолигархию, а, напротив, соцолигархия, сложившаяся в итоге инерции послереволюционного исторического процесса развития милитаристско-бюрократической тенденции, подхваченной и оседланной Сталиным (после смерти Ленина, который этой тенденции так или иначе противостоял), превратила, в свою очередь, Сталина в единоличного диктатора — продукт и орудие соцолигархии. Все это отнюдь далеко не завершило еще исторического мартиролога становления соцолигархии. Породив персональную диктатуру Сталина, соцолигархия открыла кровавейшую страницу своей собственной истории. Персональная диктатура, став политической реальностью, подчиняется своим собственным особым законам упрочения и функционирования.

Она нуждается в монолитной опоре. Из порождения соцолигархизма она должна была сделаться ее демиургом, всесильным создателем. Ее и только ее рукой соцолигархия должна была быть пожалована; старые же кадры соцолигархов должны были быть убраны с политической арены, они обрекались на безжалостное уничтожение: и потому, что они, эти кадры — сотни тысяч старых коммунистов, свершивших революцию и отстаивавших ее завоевания в вооруженной борьбе, еще сохраняли немалые связи с народом, из-за чего при известном стечении обстоятельств они могли

заколебаться, отказав в поддержке диктатору, и потому, что такие колебания, отражая подспудное недовольство масс, реально возникли и в этом слое, хотя и глубоко упрятавались от чьих-либо взоров, и потому, что персональной диктатуре социализма потребен был иной человеческий материал, чем унаследованный от революции и гражданской войны, — материал послушного профессионально образованного карьеристического чиновничества, готового слепо, верой и правдой служить обожествленному диктатору. Этот материал был под руками в изобилии — это были крестьянские и мещанские сыновья, получившие образование уже в условиях социализма. Ко всему этому следует добавить и то, что социализм по самому механизму власти, представляющей ее интересы, нуждается в обстановке террористического запугивания народа, насаждения и поддержания мифов о носителях мнимой опасности, внутренних врагах, на которых и переключается недовольство народа как на якобы виновников во всех его бедах.

Итак, террористическая смена старого человеческого материала социализма, породившего персональную диктатуру Сталина (впоследствии смешно, фарисейски наименованную трусливо-елейным, раболепным понятием "культы личности Сталина"), новым — выходцами из крестьянства и мещанства — была неизбежна.

1934—1939 гг. (кульминация периода — год 1937 — одна из самых кроваво-злодейских вех истории) — это период, когда сталинский аппарат террора по прямому наущению и под руководством диктатора расстрелял, замучил, сгноил в тюрьмах и концентрационных лагерях, обрек на медленную гибель от голода и холода в северных ссылках, предал анафеме как "врагов народа" миллионы коммунистов, тех, кто подготовил и совершил революцию, воевал и выиграл войну с буржуазно-дворянской контрреволюцией и интервентами и затем волей исторических судеб осуществил социалистическую индустриализацию и

коллективизацию и собственными руками утвердил сталинскую диктатуру. Мрачная дьявольская историческая трагедия совершилась. И перед ее лицом померкли кровавые летописи и предания всемирной и, конечно же, русской истории. Аттила, Чингисхан, Иван Грозный, инквизиторы всего мира — всем им далеко до Сталина в кровавых деяниях массового истребления людей. Советский народ и люди во всем мире, потрясенные учиненной Сталиным кровавой бойней миллионов своих единомышленников и соучастников, этим истреблением, казалось лишенным смысла, застыли в ошеломлении неведения но, ощущая всю иррациональность и несовместимость происходящего с простейшими началами европейской гуманистической цивилизации, с теми нравственными законами, без соблюдения которых нет цивилизованного общества.

Только лишь террористическая практика гитлеровского фашизма перед войной и массовый геноцид времен войны были аналогом тому, что случилось в империи Сталина (будущему исследователю вообще раскроется много черт родства и взаимовлияний этих двух социально-антагонистических систем).

Исторически социально-политический смысл сталинского террористического переворота состоял в том, что персональная диктатура сбросила с себя тот кокон, в котором она сформировалась: массы превратившихся в социалигархов старых кадровых партийцев, старый лучший актив рабочего класса и интеллигенции, поднятых к политической деятельности волнами революции, были истреблены и заменены кадрами по преимуществу крестьянско-мещанского происхождения, карьеристов-временщиков, поставленных у власти милостью диктатора. Старые кадры стали физической жертвой персональной социалигархической диктатуры, новые кадры — ее продуктом, консолидированной социальной опорой, безгласным, абсолютно послушным и на все готовым безыдейным, солдатски вымуштрованным, профессионально вышколенным, слепым, нерассуждающим, бесконечно преданным диктатору

мстительным тренированным орудием его политического действия.

Террористическая диктатура Сталина, соцалигархическая по своему социально- историческому смыслу, стала трагически мрачным, иррациональным результатом первой четверти века развития процессов перерождения русской революции, противоречащих самому сокровенному ее смыслу и предназначению; соцалигархическая тенденция окончательно победила.

Вся последующая тридцатилетняя история соцалигархизма — цепь не прекращающихся расправ над народами страны, дальнейшая эволюция соцалигархоструктуры, к тому же окрашенная в крестьянско-мещанские тона мизантропии, безысходной ограниченности, тупого шовинизма, антисемитизма, презрения к подлинной духовности и культуре, ценностям мировой цивилизации, с верой во всемогущество кнута, палки, окрика, низкопоклонства, раболепия и одновременно хамства — этих неотъемлемых черт воспитанной веками рабства психологии, образовавшего ее человеческого материала.

Конечно, величайшая сила социалистического базиса, хотя бы лишь только формального, состояла и состоит в том, что вопреки путам соцалигархизма, наперекор ему, этот базис включает в себе еще мощные импульсы исторического действия. Титаническая борьба советского народа в мировой войне против гитлеризма и выигрывание этой войны, несмотря на близорукость, просчеты и преступно-бессмысленные действия Сталина и его окружения, стоившие народу миллионов напрасных жертв, — это результат соединения могучих социалистических импульсов к борьбе народа против захватчиков, классовых врагов с импульсами его национального самосохранения. Послевоенный быстрый хозяйственный подъем — это также проявление сил социализированного базиса.

Но соцалигархия, сталинская диктатура продолжает мять, давить, насиловать этот базис, удушать живые народные силы. Во время войны снова всю работу выполняет аппарат насилия. Его жертвами становятся целые народы

(массовая депортация, лишение гражданских прав и прямое физическое истребление немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, чеченцев, ингушей и других кавказских народов). Начавшийся в годы войны и широко раздутый после ее окончания на государственно-партийном уровне животный черносотенный антисемитизм — массовые аресты и уничтожение интеллигенции еврейского происхождения (дело Еврейского антифашистского комитета, дело врачей, истребление писателей, артистов и высококвалифицированных представителей многих иных профессий, многообразная экономическая и социально-культурная дискриминация, особенно болезненно поражающая молодежь), террористическая расправа с миллионами военнопленных, вернувшихся из фашистского плена; заключение их на длительные сроки в концентрационные лагеря, повторные массовые аресты и пожизненные ссылки контингентов бывших заключенных дьявольских 1934—1939 годов, ждановщина в литературе и искусстве, в науке, насаждение шовинизма, квасного патриотизма, ксенофобии, бериевско-абакумовской практики провокационных расправ с представителями всех слоев народа и национальными меньшинствами и т. п. — такова беспросветная реальность диктатуры Сталина в послевоенные годы, режима соцолигархии в ее "зрелых" формах.

Страна задыхалась и спотыкалась. Смерть диктатора позволила приоткрыть клапаны. Террористические крайности соцолигархизма были ликвидированы. Но система в ее целом — экономическая, социальная, политическая и социально-культурная — осталась неприкосновенной. О ее сущности и проблемах говорилось выше.

3. О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ СОЦОЛИГАРХИЗМУ

Разрешение глубочайших противоречий соцолигархизма, выход из социально-исторического тупика, на который он обрекает общество, лежат на

магистральном пути исторического процесса, целиком определяются его генеральными закономерностями.

Каков же этот магистральный путь, т. е. каково социально-экономическое и политическое будущее общества, закономерно вырастающее из неотвратимых решающих изменений, порожденных его современными высокоразвитыми индустриальными структурами? Иными словами, куда идет мир, потрясенный и изменяемый до самых глубоких своих оснований научно-технической революцией и водородно-атомным оружием тотального уничтожения человеческой цивилизации? Каков необходимый ответ человечества на трагический угрожающий опыт истории XX века, на безусловное очевидное банкротство и капиталистической, и социалистической форм экономической, социальной и духовной жизни общества? Какова объективно обусловленная альтернатива назревающей и возможной катастрофе цивилизации, гибели самой жизни на Земле, какова надежда и великий исторический шанс человечества выжить и прогрессивно развиваться?

Современное высокоиндустриальное все более концентрированное и централизованное производство, рассчитанное на массовое потребление миллионов и десятков миллионов людей, не только на национальную, но и на интернациональную потребительную способность, неотвратимо развивает все более и более крупномасштабное обобществление производства. Эра обособленного частного мелкого и даже среднемасштабного производства окончательно миновала: оно экономически нежизнеспособно. Только крупное и сверхкрупное обобществленное производство, работающее на национальный и мировой рынки, экономически рационально, адекватно современным мощным гиперпроизводительным комплексам и дает оптимальные хозяйственные результаты. Достаточно вспомнить энергосистемы, объединяющие совокупные мощности в сто и более миллионов киловатт, металлургические комбинаты, выплавляющие 10—15 млн т стали, автомобильные гиганты, с конвейеров которых

каждодневно сходит 5—10 тыс. автомашин, трубопроводы, перекачивающие десятки миллионов тонн нефти на многие тысячи километров, текстильные гиганты, производящие десятки миллионов метров тканей в год, и т. д. и т. п.

Самые законы экономики современного индустриального производства диктуют всестороннее его обобществление. Обобществление производства — крупное, крупнейшее, гигантское, национальное, интернациональное — неотвратимый процесс современного экономического развития, сметающего любые преграды, встречающиеся на его пути.

Но обобществление производства, его все более ширящийся и углубляющийся характер объективно требуют адекватных себе форм отношений собственности на средства производства, т. е. прямого соединения материальных факторов производства и производителей.

Таково необходимое, но, однако, далеко не достаточное условие создания общенародной ассоциации трудящихся, подчинения производства ее интересам.

Исторический опыт социализма обнаружил и доказал, что общественная собственность остается лишь формальной экономической предпосылкой становления общенародной ассоциации производителей, не становясь реальным ее базисом, если экономическое обобществление не соединяется с действительной политической демократией, способной обеспечить функционирование экономического базиса ради сбалансированных интересов всех общественных слоев и групп ассоциации производителей, предотвращающей возможность использования этого базиса в гипертрофированных интересах слоя, выполняющего функции политического и иного управления в ущерб удовлетворению интересов всех других слоев общества. Уже в этом коренится объективная необходимость соединения обще-народного обобществления производства с полной последовательно проводимой политической демократией.

Вместе с тем необходимость этой последней

обусловлена самыми глубинными потребностями современной экономической организации. Громадная сложность индустриально-производственной и экономической структуры общества, ее научно-технический уровень, вызванный к жизни научно-технической революцией, означают коренное преобразование производственных функций современного работника в общественном процессе труда: все более широкие массы трудящихся во всех сферах общественного труда все более и более переходят от исполнительских элементарных функций физического труда к интеллектуально-творческим функциям руководителей, проектантов, контролеров, организаторов всех видов материального и духовного созидательных процессов. Коренное принципиальное изменение облика и содержания трудовых функций человека, переход его к интеллектуально-творческой деятельности как господствующей неразрывно связаны с властной объективной потребностью в общенародной демократии. Без демократии в условиях олигархической узурпации и подавления демократических свобод попросту невозможно продуктивное отправление интеллектуально-творческих функций, если речь идет о них не как о привилегии немногих, а как об определяющей трудовой деятельности всех.

Дело в том, что поскольку и до тех пор пока интеллектуальные функции в труде остаются привилегий немногих, они выполняются в рамках относительной свободы для этих немногих, базирующейся на несвободе для подавляющих масс тружеников. Когда же интеллектуально-творческие функции становятся массовыми (как это и имеет место на современном этапе индустриально-экономического развития) и станут функциями преобладающих масс тружеников (как это должно неизбежно стать под давлением потребностей научно-технической революции в ближайшие 30—40 лет), тогда самый характер труда приходит в непримиримое противоречие со всяким тоталитарным режимом, тогда политическая демократия становится экономической

необходимостью.

Политическая демократия, которую более или менее поддерживает современный государственно-монополистический капитализм, далека от той всеобщей подлинно трудовой демократии во всех сферах общественной деятельности, которая вырастает из необходимости современных трудовых отношений. Трудовые отношения в капиталистическом производстве по самой природе этого процесса находятся под прессом деспотического капиталистического управления; здесь поэтому нет места демократизму экономических отношений. Что же до социализма — то он несовместим даже с урезанной (с точки зрения современных потребностей трудового процесса) политической демократией.

Итак, вторая закономерная необходимость, рождаемая развитием современного индустриального общества — будь оно государственно-монополистическим или социалистическим, — это необходимость в общенародной всеобщей политической демократии, неразрывной со всеобщей демократией трудовых отношений, демократизмом производственных отношений в целом. Следовательно, лишь соединение общенародного обобществления средств производства с общенародной действительной демократией для всех, последовательной политической демократией, продолжающейся и завершающейся полным демократизмом производственных отношений, превращает общественную собственность на средства производства из формальной предпосылки в реальный базис общенародной ассоциации трудящихся; только при этом условии могут и действительно будут осуществляться функции непосредственно общественного, общенародного присвоения-распоряжения и присвоения-использования средств производства самой этой ассоциацией в своих собственных интересах. Таков еще один важнейший урок современного социально-экономического и политического развития современных социалистического и госмонополистического обществ.

Следующая, третья, коренная закономерная необходимость, порождаемая и развиваемая всем ходом изменений современного индустриального общества (во всех его социально-экономических формах), — необходимость в экономической свободе производителя и коллективов производителей. Современное концентрированное и централизованное (в национально-общегосударственных и даже межгосударственных рамках) производство находилось бы в непримиримом противоречии с самой сущностью интеллектуально-творческих функций трудящихся, равно как и с элементарными требованиями политической демократии, буде оно лишено было бы экономической автономии отдельного индивида и их коллективов в общественном труде, превращало бы их в автоматических исполнителей команд сверхцентрализованного экономического механизма.

Диалектика современной индустриальной и социальной структуры такова, что централизация общего стратегического плана ее функционирования и развития может покоиться лишь на полной всесторонней последовательной децентрализации экономического самоуправления каждого производственного коллектива в сочетании с полной реальной свободой личности на инициативу в общем процессе общественного труда. Это и есть демократизм производственных отношений непосредственно общественного труда, основывающийся на экономической свободе личности.

Наконец, четвертая коренная объективная необходимость развития, неотвратимо нарастающая вместе с развитием современных производительных сил, обобществлением производства и творческим преобразованием характера труда, — социально-культурная, духовная свобода всего общества, всех его членов, свободное и полное, ничем не стесняемое их духовное развитие и творчество, свободная реализация плодов этого творчества. Без духовной свободы личности и общества нет и не может быть ни экономической свободы, ни политической демократии. Развитие

трудотворческой деятельности человека вместе с углублением его власти над природой, умножением могущества его производительных сил и на основе этих процессов все более переносит трудовые функции из сферы непосредственно материального производства в сферу духовного производства — в области науки, просвещения, здравоохранения, искусств, литературы и т. д.

Здесь же по самой сути этой деятельности нужна полная свобода творчества, и стало быть, неограниченный демократизм и автономия всех условий реализации созидającego гения человека.

Духовная свобода личности и общества, духовная демократия наряду с политической демократией и демократизмом экономических отношений — таково еще одно неотвратимое требование современного преобразования общества, таков еще один урок XX века.

Таковы объективные тенденции развития, рождаемые самими материальными условиями функционирования современного индустриального общества, таковы фундаментальные уроки истории XX века! Они, эти тенденции, эти уроки и определяют объективно обусловленную альтернативу обществу государственно-монополистического капитализма и обществу социализма. Альтернатива эта — общество, которое основывается на неразрывном единстве четырех коренных социально-экономических и политических устоев:

1. Непосредственно общественной общенародной собственности на средства производства, образуемой единством всеобщего присвоения-распоряжения этими средствами производства и их присвоения-использования, когда общественное производство ведется как непосредственно общественное, за общественный счет и в интересах ассоциации трудящихся, каждого отдельного коллектива и индивида, которые образуют эту ассоциацию;

2. Действительной полной последовательной демократии, которая обеспечивает: а) государственное

правление по реальному, постоянно возобновляемому в состязательных общенародных выборах народных представителей, составляющих верховные законодательные, исполнительные и судебные органы; б) свободную политическую самоорганизацию народа в политических партиях и всех других общественных организациях — профсоюзных, общенациональных и региональных обществах целевой деятельности и т. д.; в) полную юридическую и фактическую реализацию демократических свобод: избирать и быть избранным в представительные органы власти всех ступеней, свободы слова, убеждений, печати, информации и коммуникаций, собраний, манифестаций, забастовок, свободы жительства, свободы гражданства, свободы передвижений по своей стране, выезда за границу и возврата;

3. Экономической свободы личности и производственных коллективов, образуемых работниками каждого звена общественного труда, которая реализуется в: а) экономическом самоуправлении, автономном в рамках общенародных хозяйственных планов; б) свободе труда: выбор и оставление трудящимся места работы на добровольных условиях, полноправное его участие в автономном самоуправлении; в) оплате труда, обеспечивающей полное благосостояние и всестороннее развитие личности работника; г) защите всех экономических прав труда организациями самих трудящихся; д) социальном обеспечении в течение трудовой жизни и по ее завершении;

4. Культурно-духовной свободе личности и всех ассоциаций граждан, которая реализуется в: а) всеобщем среднем и специальном образовании и свободном доступе, в меру потребностей граждан, к высшему образованию при материальном обеспечении его получения; б) свободе творчества — научного, во всех искусствах и литературе; в) свободе обмена идеями и информацией (внутригосударственной и интернациональной); г) предоставлении обществом

необходимых материальных средств для реализации свобод интеллектуально-духовного творчества.

Таковы устои общества, объективно призванного сменить капитализм и социализм, но это и есть социалистическое общество, реальный, действительный социализм, научно предвиденный и обосновывавшийся в трудах марксистской социологической школы (Марксом, Энгельсом, Лениным, Плехановым, Каутским, Бебелем, Лафаргом и другими).

Разумеется, опыт социалистического общества, выдающего себя за социалистическое, а на деле являющегося строем фальшивого социализма — социализмом, антагонистом реального социализма, породил в мировом общественном сознании незаконное отождествление социализма с социализмом и всякими его разновидностями в развивающихся странах. В итоге самое понятие социализма оказалось наполнено чуждым ему содержанием, негативно переосмысленным в сознании широких масс и исторически скомпрометированным. Однако историческая практика фальсификации социализма режимом социализма (а в первой половине века и фашистскими режимами так называемого национал-социализма), которая не могла ни породить аберрации в общественном сознании относительно действительного смысла содержания понятия социализма, вряд ли может быть поводом для отказа от строго научного обозначения этим выработанным наукой и освященной практикой революционной борьбы поколений понятием общественно-экономической и социально-культурной формации, которая идет на смену капитализму (и которая так же неизбежно сметет социализм).

Социализм, реальный, действительный социализм, как он определен выше в совокупности его решающих устоев, — неизбежное и ближайшее будущее социально-экономической, политической и культурно-духовной жизни человечества. (Указание на реальный, действительный характер социализма призвано отмежевать его от

соцолигархических и всяких фашистско-националистических фальсификаций, которые использовали вывеску социализма, будучи ему глубоко враждебными.)

В опыте истории XX столетия человечество выстрадало социализм.

Две мировые войны, оплаченные народами гибелью более ста миллионов человек; революция в России, возвестившая социализм, но в силу исторических обстоятельств отступившая перед соцолигархизмом с его кровавым мартирологом десятков миллионов жертв сталинской тирании, тотальным подавлением элементарных демократических начал современного общежития. духовной унификацией, деградацией и загниванием, затем загниванием экономики и всех прочих социальных отношений; крестьянская китайская национально-освободительная антифеодалная революция с созданным ею крестьянско-азиатским вариантом соцолигархизма и десятками миллионов человеческих жертв; распад колониальных империй и возникновение на их развалинах государственности ищущих путей национального возрождения народов, которые оплачивают свои поиски разгулом кровавых межнациональных войн и гибелью миллионов людей; кризисные потрясения структур развитых капиталистических стран: апокалипсический кризис 1929—1933 гг., последующие общеэкономические, сырьевые, энергетические, валютные кризисы и потрясения, кризис городов, кризис преступности, расовый кризис, экологический кризис и т. д.; невиданное расточение материального богатства и человеческого труда, язвы массовой безработицы, оргии расточительства капиталистических верхов и прозябание деклассированных низов — париев общества, подчиненного наживе; духовная деградация широчайших масс, уделом которых становится манипулируемая культура сытого мещанства с его культом вещей, секса, наркотиками и алкоголизмом и со всяческими иными формами нравственного и физического разложения и

гниения; хроническое голодание двух третей человечества, которое все еще не в силах выбраться по вине капиталистического колониализма из экономической отсталости, патриархальщины и невежества, периодически теряющего миллионы людей от голода и эпидемий; пароксизм капиталистических противоречий, породивших фашистские диктатуры Гитлера, Муссолини, Франко и др. с миллионами жертв, разгулом вандализма, подрывом самых основ человеческого общежития, погрузивших общество в средневековую атмосферу исступленного насилия; образование двух сверхдержав: государственно-монополистической (США) и социалистической (СССР), которые находятся в опаснейшем для судеб всего мира водородно-атомном противостоянии, превращающем самую гибель цивилизации в удел возможности трагического случая — взрыва этого противостояния и нанесения взаимных ядерных ударов, которые способны в потоках атомных смерчей загубить все живое и превратить планету в мертвое космическое тело.

Таков мрачный опыт человечества нашего времени, такова страшная опасность, разверзшаяся перед миром людей, поднявшихся, казалось бы, на необыкновенно величественные вершины научных знаний, прогресса производства, технологического умения, проделавших за одно столетие во всех этих областях путь больший, чем за всю историю человечества.

* * *

В общем потоке мирового исторического процесса XX века отчетливо выступает непреоборимая закономерность социалистической альтернативы социализму. Все классы и общественные группы социалистического общества, находящиеся за пределами социализма и социалистической структуры, с объективной необходимостью неизбежно подталкиваются и будут подталкиваться самими противоречиями социализма, необходимостью их кардинального

разрешения на путь борьбы за подрыв и ниспровержение социализма.

Рабочий класс, сложившийся в итоге социалистической индустриализации страны и ставший из вчерашнего полупатриархального крестьянства ныне реальным кадровым пролетариатом, шаг за шагом из "класса в себе" становится "классом для себя", идущим к осознанию и мало-помалу осознающим свои объективно социалистические интересы. Его классовые позиции кристаллизуются как позиции антагониста эксплуатирующей его экономически, угнетающей политически и удушающей духовно социализма и социалистической структуры. Историческая усталость класса ввиду понесенных им неисчислимых жертв в революцию, гражданскую войну, Отечественную войну, в лагерях, тюрьмах и ссылках машины массового сталинского террора, мало-помалу со сменой поколений проходит; класс набирает новый потенциал активного социального действия. Его временная социальная и политическая инертность исчерпывает себя перед лицом того, что относительно обеспеченный современный материальный быт стал обычной жизненной нормой.

Между тем жизнь идет вперед и неумолимо ввергает рабочего человека в круговорот социалистических противоречий: растущие материальные запросы рабочих все быстрее обгоняют предоставляемые социализмом средства их удовлетворения, растет пропасть между материальным жизненным стандартом социализма и вообще всех членов социалистической структуры, с одной стороны, и все более относительно скудным на этом фоне жизненным стандартом рабочей семьи, с другой стороны. Социально-культурные возможности рабочего населения все более ущемляются социально-культурной монополией социализма (снижается качество массового общего образования, предоставляемого трудящимся слоям населения, все ниже относительный стандарт народного здравоохранения в сравнении с тем, что получает социализм, а также спорта, туризма, на принципиально

иной, несравненно более низкой плоскости, чем у социалигархов, заморожено удовлетворение всей гаммы духовных потребностей рабочих и т. д.). Рабочий, впрочем так, как все иные классы общества, подвержен каждодневным столкновениям с произволом полицейско-бюрократического аппарата, от которого его практически не охраняют какие-либо надежные и устойчивые социально-справедливые нормы закона.

Рабочий класс все глубже ощущает на себе последствия великодержавно-милитаристской внешней политики социалигархов, ради проведения которой до пределов сжимается удовлетворение его насущнейших потребностей (атомный ударный потенциал вместо масла, мяса ...). Империалистское расточение огромных масс национального дохода (до четверти всего его объема) — такова дань, приносимая рабочим классом вместе с крестьянством и интеллигенцией на алтарь молоха социалигархического империализма. Но дело даже не только и не столько в этом: рабочий класс объективно ставится перед угрозой милитаристского самоуничтожения, порождаемой политикой водородно-ядерного империализма социалигархии. И эта страшная угроза не может не породить одного из самых мощных стимулов сопротивления социалигархии, потребности в ее ниспровержении.

Крестьянство, кооперированное в колхозы, практически давно уже представляет собой лишь закамуфлированных под кооперированных производителей наемных работников социалигархического государства — особую часть рабочего класса, нижние его слои, с прожиточным уровнем, едва ли не вдвое уступающим городскому, к тому же еще не гарантированным, поскольку фактические доходы рабочих-колхозников определяются ходом воспроизводства каждого отдельного колхозного предприятия.

Интеллигенция (кроме ее части, коррумпированной социалигархией и интегрированной в социалигархоструктуру) движима той же совокупностью

объективных стимулов к борьбе против соцолигархизма, как и рабочий класс. Причем к этим стимулам добавляется особенно острое восприятие интеллигенцией интеллектуально-духовного угнетения и удушения творческих начал ее деятельности соцолигархической системой. Интеллигенция самой природой ее творческих функций ставится в непримиримое столкновение с бюрократической полицейской машиной, каждодневно раздавливающей свободу творчества. Движение инакомыслящих (как ни узки и утопичны на первых порах его цели — обеспечение "конституционных свобод" в рамках сохранения в целостности и сохранности соцолигархизма), все более ширящееся и даже, несмотря на направляемые против него меры жестокого полицейского подавления, пробивающееся на поверхность и доносящее свой голос протеста до населения своей страны и до мировой общественности, — один из очевидных показателей политического созревания, формирования антисоцолигархического самосознания интеллигенции.

Все общественные слои соцолигархического общества, находящиеся за рамками соцолигархоструктуры, т. е. огромное большинство населения, таким образом, самым содержанием и развитием противоречий соцолигархизма объективно толкается на путь борьбы за ниспровержение этой системы. Как ни медленно и трудно, но паутина соцолигархической демагогии разрывается, и объективные интересы трудящихся прокладывают себе путь в форме антисоцолигархической идеологии и постепенного складывания сил социально-политической борьбы против нее.

Как обычно для любого складывающегося прогрессивного социально-политического движения, оно проходит ряд этапов: этап идеологического развенчания изжившего себя социально-политического и экономического порядка, обесценения его социально-политических и нравственных ценностей, потери казавшейся ранее незыблемой веры в них; этап поисков

одиночками, кружками, группами (по преимуществу молодежи) выхода из идейно-политического кризиса и нащупывания путей социального возрождения, определения целей и средств борьбы за него, выработки новой идеологии; этап интеграции одиночек, кружков, групп в общее политическое движение, выработка его программы, обосновываемой новой идеологией, и развитие массовых форм идеологической и социально-политической борьбы за претворение в жизнь программы сложившегося движения; этап завоевания широких масс на сторону прогрессивного движения и развитие необратимого кризиса старой социально-политической системы; наконец, этап крутых революционных (либо в форме прямой насильственной революции, либо в форме парламентско-легальных мер) перемен в самой системе, ее ликвидации и замены принципиально новой системой.

Современное социалистическое общество находится ныне (70-е годы) на стыке второго и третьего этапов — интеграции инакомыслящих одиночек, кружков, групп в общее движение и поиски ими программ движения. Действительно, теперь уже широкие массы интеллигенции в ширящихся масштабах, все другие общественные слои во многом изверились в так называемой "идеологии марксизма-ленинизма", т. е. в официальных идеологических догматах социализма, призванных подпирать и маскировать господство социализма.

Теперь уже очевидно, что действительный марксизм как научная теория законов общественного развития не имеет ничего общего, если иметь в виду сущность дела, с бюрократической социалистической фальшивой "идеологией марксизма-ленинизма", что этот последний — это псевдомарксизм, псевдоленинизм, это фальсификация научного марксизма во всех его составных частях.

Научная диалектико-материалистическая марксистская философия как современное мировоззрение и методология научного знания, опирающаяся на всю сумму научных завоеваний современности, подменена в

догматах соцолигархического "марксизма-ленинизма" эклектическим варевом из вульгарного материализма, прагматизма и волюнтаризма, ни в какой мере не отвечающих требованиям современной науки.

Научная марксистская политическая экономия подменена вульгарной экономией соцолигархического "марксизма-ленинизма", фальсифицирующей как современный строй экономики капитализма, так и строй экономики социализма и законов их функционирования и развития и создавшей миф о социализме как строе государственного обобществления средств производства, безотносительном к реальным субъектам присвоения-распоряжения и присвоения-использования этих средств производства, безотносительно к демократическим институтам власти, совместимом якобы с подавлением реальной демократии.

Научная марксистская политическая концепция демократии социализма подменена "марксистско-ленинскими" соцолигархическими догмами об однопартийном режиме политической власти, мифами, фальсифицирующими реальные политические демократические институты, освящающими их подмену институтами соцолигархического тоталитарного режима террористического подавления народа.

Научная марксистская концепция социалистической общности, общенародного непосредственно общественного коллективизма, гарантирующего расцвет самооценности личности, ее индивидуальной свободы и самостоятельности на арене свободной подлинной коллективности, подменена соцолигархическими "марксистско-ленинскими" догматами мнимой соцолигархической коллективности, где соцолигархоструктура господствует над личностью и подавляет ее, где личность уничтожается "коллективом" (а на самом деле органами соцолигархоструктуры), где освящается господство избранных личностей и культ вождей соцолигархии.

Научная марксистская концепция свободного идеологического развития, свободы духовного творчества

подменена социолигархическими "марксистско-ленинскими" догматами господства унифицированной государственно-принудительной идеологии, являющейся не чем иным, как собранием прагматических норм (философских, экономических, политических, правовых, эстетических, этических и т. п.), направленных на гарантию социолигархического господства во всех областях человеческой деятельности.

Научная марксистская теория исторического процесса неизбежности крушения капитализма и утверждения социализма заменена социолигархическими догмами "марксизма-ленинизма" о грядущей коммунистической революции, за которыми скрывается концепция материалистического насаждения социолигархического господства в мировом масштабе.

Научная марксистская концепция нравственности, основанная на общечеловеческих ценностях гуманизма, заменена социолигархической "марксистско-ленинской" догмой антигуманистических прагматических правил "классового подхода", отрицания "абстрактного гуманизма", проповедью иезуитских норм поведения, исходящих из принципа "цель оправдывает средства".

Все эти и им подобные догмы идеологии социолигархического "марксизма-ленинизма", которые социолигархия выдает за марксистское научное мировоззрение, в сознании широких кругов населения, некогда слепо их принимавших на веру, ныне обесценены. Шкала противоречий социолигархизма, его язв вела и ведет все более широкие массы к уразумению мнимости этих ценностей. В сознании молодых поколений этот процесс зашел особенно далеко. Но вместе с этим создан и некоторый идеологический, мировоззренческий вакуум. Идут поиски, но пока еще только поиски позитивной идеологии, позитивных социально-политических ценностей, которые бы отражали реальный исторический процесс, потребности современности, Приходящее к интеграции, объединению и сплочению антисоциолигархическое движение

вырабатывает свою программу борьбы за новое общество.

Эта программа (ее фундаментальные цели и задачи, как они складываются в итоге поисков на научной марксистской базе) могла бы быть определена в ее принципиальных основах в следующих главных положениях.

а. В области экономической

Один из коренных исторических уроков социализма заключается в том, что тотальное огосударствление экономики представляет собой путь к подмене реальной общественной собственности на средства производства как собственности общенародной ассоциации трудящихся лишь формальной общественной собственностью, присвоение-распоряжение которой узурпируется социализмом в своекорыстных интересах. Соединение в руках государства политической и экономической власти не только открывает дорогу развитию социализма, но является одним из коренных условий ее возвращения и закрепления; оно исключает демократизм экономических отношений, их реализацию в демократическом экономическом самоуправлении работников процессом общественного труда (в производстве и всех иных областях трудовой деятельности), возвращает тоталитарно-репрессивные формы "административной экономики".

Учет этого урока истории и современной действительности социализма позволяет определить следующие главные экономические формы утверждения реальных отношений общественной собственности на средства производства общенародной ассоциации трудящихся, пути борьбы за создание и развитие реального экономического базиса социализма:

превращение общественной собственности на средства производства в реальную собственность народа, во всеобщепубличную прямую безгосударственную непосредственно общенародную собственность. Субъект собственности — народ в отправлениях функций

собственника не опосредуется государством; он реализует эти функции сам, непосредственно, через свою прямую экономическую самоуправленческую самоорганизацию.

В этих целях — создание общенародной экономической системы, отдельной, независимой от государственной политической системы, путем разделения сверху донизу государственного аппарата политической власти и негосударственного хозяйственного аппарата управления экономикой — отделение экономики от государства;

создание общенародной системы экономического самоуправления народа на основе общенародных, региональных и производственно-коллективистских (на предприятиях и в иных звеньях общественного труда) органов коллективного самоуправления, избираемых демократически на представительных началах. Создание экономического парламента как высшего представительного планово-экономического законодательного и оперативно действующего органа общеэкономического самоуправления общенародной ассоциации трудящихся, избирающих его на периодических состязательных всеобщих прямых тайных выборах;

сочетание в рамках коллективного самоуправления коллегиальности и единоначалия при полной ответственности единоначальников перед органами самоуправления: их выборность и сменяемость этими органами, подотчетность им на всех уровнях организации общественного труда;

общенациональная планомерность развития экономики в рамках поддержания ее макропропорциональности, эффективности и стратегических перспектив развития, обеспечиваемых деятельностью социалистического экономического парламента самоуправления народа в сочетании с самой широкой последовательно проводимой автономией хозяйственной деятельности всех звеньев экономического самоуправления на основе полного использования

товарно-денежных отношений и неантагонистического экономического соревнования;

развитие мелкой и средней промышленности, а также мелких и средних предприятий в других отраслях материального производства и в сфере услуг наряду с общенародными и на кооперативных началах, равно как и развитие индивидуальных трудовых занятий в производственной сфере и сфере услуг (за собственный счет работников, без наемного труда), что при вовлечении в народнохозяйственный оборот дополнительных экономических ресурсов будет предотвращать монополию какой-либо формы хозяйствования, стимулировать экономическое соревнование, способствовать совершенствованию всех хозяйственных форм и служить одним из средств, гарантирующих экономическую свободу личности;

в области аграрных отношений — предоставление крестьянству как особой части рабочего класса равных со всем рабочим классом экономических и правовых условий труда, для чего обеспечить невоспрепятствуемый добровольный переход колхозов на общенародные начала производства (преобразование колхозов в общенародные самоуправляющиеся предприятия) при сохранении в тех границах, которые колхозники сочтут для себя целесообразными, и развитие колхозно-кооперативных (реально) форм производства. Безусловное производственно-техническое и социально-экономическое выравнивание условий труда в аграрной сфере деятельности в целом со всеми остальными сферами — промышленной и др.;

экономическое равенство работников в производстве и труде на деле. Обеспечение реально равного права на труд: исключение каких-либо дискриминаций при предоставлении работы, свободное поступление на работу и свободное прекращение трудового договора; обязательное предоставление соответствующими органами трудоустройства работы по желанию тружеников в соответствии с их профессией и квалификацией, обеспечение переквалификации,

предоставление полного материального обеспечения на время трудоустройства и переквалификации; конкурсно-избирательная система для поступления на руководящие должности в аппарате экономического управления, на предприятиях и в других звеньях общественного труда; реконструкция оборудования существующих производственных и внепроизводственных звеньев труда и создание новых с использованием оборудования, создающего условия труда максимально здоровыми, а самый труд — творчески содержательным и морально и эстетически привлекательным; обеспечение экономически и социально целесообразной перемены труда;

перспективное (по мере создания экономических и социальных предпосылок) ограничение рабочего времени в сфере общественно полезного оплачиваемого труда до 32 часов в неделю при четырехдневной неделе и однодвухдневных добровольных занятиях творчески интеллектуальным трудом в избираемых областях духовного творчества и повышением квалификации;

экономическое равенство на деле в распределении. Социально-уровнительный предел в области распределения; ликвидация экономически и социально не оправданных разрывов в оплате труда и в имущественном обеспечении; поддержание реального прожиточного уровня, гарантирующего материально-культурное благосостояние семьи работника, отвечающее социалистическому жизненному стандарту; сохранение лишь минимально необходимой экономически и социально оправданной дифференциации оплаты труда и других доходов трудящихся при периодическом плебисцитарном решении о принципах и границах допустимой дифференциации; допущение дифференциации в денежной оплате труда только по труду; безусловная полная ликвидация каких бы то ни было экономических и иных преимуществ и привилегий (натуральных, в форме услуг и т. п.), предоставляемых исходя из тех или иных социально-трудовых функций, выполняемых трудящимися;

обеспечение реального экономического равенства женщин; экономическое обеспечение детей (дошкольного возраста и учащихся школ, средних и высших специальных учебных заведений);

приоритет делу полного решения жилищной проблемы: обеспечение каждой семьи отдельной квартирой по формуле: каждому члену семьи — отдельная комната плюс общая комната на семью и полный комплекс современного коммунального обслуживания (и в городах, и в сельских местностях); развитие социальной инфраструктуры, которая обеспечивала бы максимально высокий жизненный стандарт всего населения (коммунальное хозяйство, транспорт, услуги, индустрия досуга и т. п.).

б. В области политической

Коренной урок истории и современности социализма — его возникновения, утверждения и господства — состоит в том, что социалистическая революция создает возможность утверждения социалистических общественных отношений. Однако если создание социалистического базиса так или иначе осуществляется, но при этом он не соединяется с последовательно социалистической демократической политической надстройкой, то возможность утверждения реального социализма в целом не реализуется и возникает социализм и утверждается система социализма, которая, в свою очередь, деформирует и самый базис, превращая социалистические производственные отношения и главное среди них отношение собственности на средства производства из реально социалистических в формально социалистические, на деле эксплуатируемые в интересах социализма.

Учет этого фундаментального урока истории и современной действительности социализма позволяет определить главные политические формы реального социализма и пути борьбы за его утверждение:

основание парламентарного последовательно демократического государственного социалистического строя в формах законодательной и исполнительной общегосударственной власти на базе свободного волеизъявления народа в состязательных всеобщих равных прямых тайных пропорциональных выборах; полное осуществление парламентарно-демократических институтов, гарантируемых плебисцитарно утверждаемой конституцией; создание правительства партийно-парламентского большинства, ответственного перед парламентом и им сменяемого; полные права инициативы и критики парламентской оппозиции; разделение законодательной, исполнительной и судебной властей;

полная свобода деятельности политических партий, организуемых и развиваемых гражданами государства по собственной инициативе, без каких бы то ни было санкций власти; политическая парламентская состязательность партий в борьбе за представительство интересов народа в избираемых органах власти;

свободные демократические формы организации деятельности внепартийных ассоциаций населения — общегосударственных и региональных профессионального, проблемно-целевого и т. п. характера; полная свобода их деятельности по осуществлению преследуемых ими целей;

независимые свободные профсоюзы с функциями защиты, удовлетворения экономических, социальных, политических, культурных и всех иных потребностей и своих прав членов; неограниченное право на забастовки, включая общеотраслевые и всеобщую общенациональную;

общенациональные плебисцитарные формы решения коренных проблем экономической, социальной, политической и культурно-духовной жизни народа;

широкое региональное (национально-автономное) политическое самоуправление при минимально необходимой централизации отправления общеполитических функций государства: внешняя политика, оборона страны, верховные судебные органы,

регулирование основ охраны общественного порядка и правовых начал (уголовных и гражданских) организации судебных учреждений и процесса (уголовного и гражданского), общего просвещения и высшего образования, здравоохранения, среды обитания;

полная реальная свобода убеждений, слова, печати, информации и коммуникаций, собраний и манифестаций, отправления религиозных культов, свобода местожительства и передвижений, свобода выезда за границу на неограниченный срок; свобода эмиграции и иммиграции (бывших граждан); воспреещение какого бы то ни было паспортного контроля свободы жительства и передвижения граждан по территории страны. Обеспечение пользования демократическими свободами предоставлением коллективам граждан, их общественным организациям, партиям и профсоюзам прав приобретения собственности на необходимые материальные средства для реализации этих целей (здания, сооружения, типографии, транспортные средства и т. д.);

полное национальное равноправие, воспреещение законом всяких форм дискриминации (прямой и косвенной, явной и тайной) по национальным и расовым признакам, проведение политики последовательного интернационализма;

государственная структура СССР как федеративного союза национальных социалистических республик с обеспечением полноправной их государственности; право наций на самоопределение вплоть до отделения, реализуемое на основе плебисцитарного волеизъявления заинтересованной нации, проводимого по требованию общественных организаций, представляющих не менее 25% общего числа избирателей данной нации;

строительство и развитие армии как социалистического демократического института: сочетание системы воинской повинности с системой добровольного комплектования, развитие территориально-милицейских формирований как резерва армии; сведение численности армии к минимуму, обеспечивающему безопасность страны; отмена

престижного чиновничества и феодально-бюрократической муштровки; выработка дисциплины, сознательной ответственности граждан — защитников социалистической державы, основание уставов воинской службы исходя из этого принципа поддержания армейской дисциплины; демократический контроль над армией широкой общественности и печати.

в. В области правовых гарантий

Важный урок истории и современной действительности социализма состоит также и в том, что тенденции к перерождению и вырождению первоначально пронародного государственного режима, развитию тоталитарного угнетения личности и общества возвращаются путем подрыва, поправа и фактического уничтожения правовых начал государственного гражданского общежития, правовых гарантий нормального функционирования общества, коллективных сообществ граждан, каждой отдельной личности. Из учета этого урока следует вывод об основных правовых формах действительного социализма, борьбы за его утверждение:

утверждение устойчивой реальной правовой государственности, охраняемой незыблемостью законов, обязательных равным образом для общества в целом, властей всех степеней и уровней, коллективов, сообществ граждан и отдельных граждан, от действий верховной государственной власти до гражданских действий отдельной личности. Подлинный отказ от каких-либо диктаторских действий, не связанных законом. Закон выше любой силы власти (!);

неприкосновенность личности гражданина, его чести и достоинства, его имущества, жилья, всех его гарантируемых конституцией свобод и прав. "Хабиас корпус" (арест) и судебное представление гражданина только по решению суда; гарантия полных демократических прав защиты личности на стадии предварительного следствия и в суде; презумпция невиновности; гарантия объективности судебного разбирательства, защищенного от каких бы то ни было

предварительных внешних давлений — власти, печати и других органов информации, отдельных граждан; гласность предварительного и судебного следствия;

свобода и независимость демократически избираемых судебных органов всех степеней. Определение виновности демократически избираемыми коллегиями судебных заседателей. Состязательный уголовный и гражданский процессы; неукоснительное соблюдение прав юридической защиты подсудимых;

запрещение создания и деятельности каких бы то ни было тайных охранных органов; поддержание общественного порядка и безопасности; борьба с преступностью через систему народной милиции, опирающейся на широкую общественную поддержку и подконтрольную органам общественности и печати;

социалистически гуманное, отвечающее современным условиям развития общества и утверждения достоинства личности законодательство об уголовной и гражданской ответственности за правонарушения; разработка системы мер наказания за правонарушения исходя из сочетания принципов эффективной защиты общества от правонарушений и преступности, предотвращения нарушения законов и исправления лиц, совершивших преступления и правонарушения и подвергнутых судебным наказаниям;

общественный демократический контроль за всеми органами и практикуемыми режимами пенитенциарной системы; гуманный, достойный социалистического общества режим содержания заключенных, отбывающих сроки наказания; исключение возможностей всякого унижения личного достоинства заключенных и подрыва их здоровья; гарантии прав заключенных вплоть до права апелляции к судебным органам по поводу нарушений законных норм содержания заключенных;

реальная правовая защита всех демократических прав населения; строгие правовые гарантии против любых форм гражданской дискриминации, в том числе и прежде всего против всяческих явных и скрытых форм дискриминации по национальным, расовым мотивам, а

также по полу и возрасту; эффективная судебная защита демократических прав граждан.

г. В области образования и духовной культуры

Тягчайший урок опыта истории и современности социализма состоит также в том, что он неразрывно связан с глубокими деформациями и прямой деградацией содержания и форм образования, науки, искусств, литературы и всех других проявлений духовного творчества, с их социалистическим извращением, подавлением, насаждением бездуховности, подрывом нравственных гуманистических начал, подчинением духовного творчества узкопрагматическим, корыстным целям тоталитарного использования в интересах социалистического режима, его укрепления, маскировки его действительной эксплуататорской природы, конформистской его защиты и пропаганды. Из учета этого урока следует вывод о социально-культурных духовных формах социализма, борьбы за его утверждение:

последовательный демократизм содержания, форм, задач начального, среднего общего, специального и высшего образования путем обеспечения общедоступности образования равного качества для детей, подростков, юношей и девушек всех общественных слоев города и деревни, центра и периферии, включая отдаленные районы страны; модернизации, повышения уровня образования до современного состояния научных знаний, его демократизации и ликвидации всяческого конформизма, обеспечения его направленности на выработку творческой активности, самостоятельности и независимости учащихся, пронизывания образования, его содержания гуманистическими началами; воспитания в учащихся духа гражданственности, выработки у них навыков, необходимых для активной творческой деятельности в самоуправляющемся социалистическом обществе; последовательной демократизации методов обучения и воспитания;

обеспечение всеобщего среднего общего и профессионального образования; реальное обеспечение высшего образования для всех желающих его получить с перспективой перехода ко всеобщему высшему образованию в кратчайшие экономически доступные сроки; обучение детей до 18-летнего возраста в системе начального и среднего образования и с 18 до 22—23-летнего возраста — в системе высшего образования; развертывание системы образования, рассчитанной на обновление и расширение знаний и квалификации работающих в течение всей трудовой жизни;

поддержание полных демократических основ обучающих и обучающихся; институт автономии и самоуправления на выборных началах высших и средних учебных заведений (общих и специальных); самоуправленческие функции коллективов работников высшей и средней школы;

коренное изменение положения народных учителей (начальной и средней школы) — уравнивание их социально-академического и материального статуса с преподавателями высшей школы;

широкое развитие и коренная демократизация науки и научных учреждений; соединение исследовательских институтов и высшей школы, равно как и соединение исследовательских институтов и организаций непосредственного производства и иных сфер труда. Свобода научного творчества — сочетание минимальных общестратегических национальных планов исследований с автономией исследовательских планов институтов и отдельных ученых. Демократическое самоуправление научных институтов. Отмена научных чинов и связанных с ними пожизненных материальных и социальных привилегий. Широкое академическое соревнование. Свободный внутренний и интернациональный обмен научными идеями, свободные контакты между учеными — внутренние и интернациональные. Обеспечение наряду с деятельностью общегосударственных научных институтов также и деятельности общественных (кооперативных) исследовательских институтов, равно как и

исследовательских работ самостоятельных ученых за их собственный счет;

свобода искусств и литературы. Полная автономия театров, киностудий, музеев и других творческо-культурных учреждений. Свобода литературного и художественно-изобразительного искусства. Невмешательство государства в дела искусств и литературы. Уничтожение явной и тайной цензуры. Использование материальных средств, необходимых для развития искусств и литературы через демократически управляющиеся свободно создаваемые творческие союзы. Автономия издательского дела; самоуправление издательств через творческие издательские советы, образуемые представителями общественности, создание наряду с государственными кооперативных издательств. Свобода творческих группировок, школ, направлений. Широкие контакты писателей, художников и других представителей всех видов искусств с их зарубежными коллегами; систематическое и полное ознакомление страны с произведениями зарубежной литературы и искусства;

полная свобода доктрин и идеологических систем, свободное соревнование идей; свободный обмен идеями внутри страны и с зарубежными странами. Упразднение официализации идеологических доктрин, направлений искусств, литературы, научных школ и т. п. Предоставление равных материальных и социальных условий и возможностей для развития всех видов и направлений духовного творчества во всех его проявлениях в процессе свободного соревнования, взаимных влияний и оплодотворения. Создание, поддержание и развитие климата свободы интеллектуального, духовного творчества для всего народа и каждого отдельного человека.

Ракитский Б.В.

**ДОКУМЕНТ АНТИТОТАЛИТАРНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В СССР**
(Об очерке Я.А.Кронрода 1974 года)

**Доклад для Кронродовских чтений 2012 года,
посвящённых 100-летию со дня рождения
Якова Абрамовича Кронрода**

*«...теперь речь идёт
о коренной смене авторских воззрений»
(Я.А.Кронрод о своей личной задаче
«сведения счетов с теоретической совестью». 1974)*

1. Сузубо прагматическое вступление

Пронзительно точно сказано: «В момент истины человек одинок» (Г.Г.Маркес). Для теоретика-обществоведа риск одиночества в момент (а лучше бы сказать: в процессе) истины — особенность профессии. Научная судьба Я.А.Кронрода — типичная в этом

отношении судьба. Истину и непереносимое при ней одиночество он в своём творчестве предпочёл компромиссам, научному делячеству и «положенным» за них регалиям, декорациям почёта и славословиям якобы учеников и последователей.

Одиночество, о котором идёт речь, — это огромный разрыв между постигающим истину и теми, кому она действительно практически нужна. Для учёного-обществоведа это реально действующие субъекты общественной практики — социальные группы и общности (классы, общественные движения, народ, влиятельные политические партии, власти). Доктор Я.А.Кронрод был социалистом по своим убеждениям. Его «надлежащий» социальный заказчик — социалистические и социал-демократические движения и партии. На его Родине при его жизни таких движений не было. И до сих пор нет.

Что же касается социалистической и социал-демократической идеологии и работающей в её русле научной мысли, то они в современной России есть. И опирается современная российская социалистическая идеология и соответствующая ей теоретическая наука в том числе на идеи и труды доктора Я.А.Кронрода и его научной школы. Идеино-культурные течения не теряют своих павших борцов. Идеи доктора Я.А.Кронрода не могут выпасть из арсенала социалистической мысли. Истинные научные достижения нетленны.

Мы отмечаем столетие со дня рождения Я.А.Кронрода — одного из крупнейших российских обществоведов и социальных мыслителей XX века. Давайте выберем правильный тон. По-моему, не к месту аргументировать высокие оценки научных достижений Я.А.Кронрода. Эти оценки сложились и пребудут. К месту — внимательно вникнуть в его идеи и выводы, в его постановки проблем, найти в них укрепку для нашей современной научной деятельности и для борьбы. И по-деловому оценить, в чём мы благодаря Я.А.Кронроду пошли дальше его разработок и достижений. Ибо как ученики мы обязаны идти заметно дальше Учителя, иначе

усохнет живая ветвь древа познания, называемая научной школой Я.А.Кронрода.

2. Предмет (тема) доклада

Предлагаю тему, раскрытие которой позволяет осмыслить идейные и научные достижения и актуальность наследия Я.А.Кронрода для современного отечественного и мирового общественнознания. Тема эта — природа и характер общества в СССР. Непосредственный текст Я.А.Кронрода по этой теме — очерк «Соцолигархизм как псевдосоциализм XX века» (очерк X в книге Я.А.Кронрода «Очерки социально-экономического развития XX века» — Москва, Издательство «Наука», 1992, с. 192-233. Ответственный редактор, автор «Введения» к книге и «Послесловия к очерку X» доктор И.В.Можайскова).

И.В.Можайскова утверждает, что очерк X написан в 1974 г. (стр. 6) и что он публикуется так, как был написан автором (сноска 14 на стр.13). Эти утверждения крайне важны. И.В.Можайскова не прислушалась к моему совету депонировать неопубликованные рукописи Я.А.Кронрода. При издании некоторых из них были сделаны многостраничные вставки. Надеемся, что очерк «Соцолигархизм как псевдосоциализм XX века» свободен от подобной модернизации.

Что касается времени написания очерка, то могу засвидетельствовать, что до начала 1970-х годов он, скорее всего, не мог быть написан и задуман. Мы работали с Яковом Абрамовичем до 1972 года (до введения «танков» в Институт экономики АН СССР). Году в 1969 или в 1970 я задавал ему прямой вопрос о характере общественного строя в СССР. Я сообщил ему свой вывод, что строй этот — фашистский. ЯК отреагировал в памятной многим из нас манере отметить иной раз чужой вывод как полную чушь:

— Ну что вы! — сказал он тоном, исключая саму возможность обсуждения высказанного мнения, — Фашизм — это совсем другое. Это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных элементов финансового

капитала. Вы почитайте документы Коминтерна. Там всё ясно определено.

— Да читал я эти документы...— буркнул я. — И не раз. Очень он тогда меня разочаровал.

А всего через 4 года такой великолепный очерк!

После 1972 года творческих контактов с ЯКом у меня не было (если не считать нескольких его отрицательных рецензий на мои статьи в «Экономическую энциклопедию» и моих письменных пояснений по этим рецензиям). При личных встречах на днях его рождения разговор о работе заходил раза два, но ЯК идеями из написанного «в стол» со мной не делился. Ох, как пригодились бы мне в то время его идеи! У меня подрастали ученики, поднималась научная школа. В первый раз эти молодые люди, надискутировавшись между собой, в конце июня 1978 г. впрямую запросили моё суждение о характере общественного строя в СССР. Я ждал этого запроса, но так и не сумел к нему подготовиться (в смысле учёта рискованности полностью откровенного ответа). Решило то, что они считали меня своим Учителем. Я ответил: «Обыкновенный фашизм». Мы не обсуждали мой ответ. Но мы все до сих пор помним тот эпизод.

3. Место очерка 1974 года в истории общественной мысли

Я обдумывал значение вопроса о природе и характере общества в СССР. У меня получается, что для современного обществознания нашей страны и для всей социалистической мысли Европы и мира этот вопрос был коренным с 1918 г. И является коренным по сей день. В каком смысле коренным? В том смысле, что ответ на этот вопрос имеет критериальный характер, служит водоразделом идейных течений, мировоззрений, идеологий. Неэлектический ответ на этот вопрос идентифицирует строй мысли с той или иной классовой идеологией.

Научная экспертиза природы и характера общества в СССР привлекает усилия и наработки многих

общественных наук. Подходы к оценке общества в СССР проясняют коренные отличительные свойства идеологий (мировоззрений) ныне действующих политических сил, институтов и фигур. Возникшая ностальгия по СССР становится фактором нынешней фашизации массового сознания в России и фактором реставрации в России тоталитарных порядков под новым флагом — под флагом фундаменталистского либерализма.

Научная оценка природы и характера общества в СССР по силам только целостному (как минимум, неординарно широкому) взгляду на мир. Она не складывается из фрагментов, а дополняется и «фундируется»⁴ специализированными разработками. Взгляд в целом оказывается первичным для исследований, если исследователь (мыслитель) «высветил» в нём то коренное общее (сущностное), что давно уже маячило в исследованиях, разработках и результатах, но не давалось «в слове», в законченной концепции, не «открывалось». Это тот самый момент «коренной смены авторских воззрений», с которого начинается новая для социального мыслителя система представлений и теорий.

Очерк X «Соцолигархизм как псевдосоциализм XX века» был написан первым. Именно по изложенным только что причинам. Он — начало и первый плод коренной смены воззрений Я.А.Кронрода. ЯК осилил барьер и груз прежних воззрений! Среди социалистов таких в то время было совсем немного. И до сих пор не много.

Дав свою исходную целостную трактовку характера общества в СССР, Я.А.Кронрод в 1974 г. не только проявил незаурядную научную хватку, не только обнаружил высочайший уровень научного Мастерства. Он стал совсем другим. Он вырвался на орбиту Свободной Мысли, Свободного Творчества.

⁴ «Фундировать» ставлю в кавычки не для обозначения метафоричности, а для обозначения прямой речи. Фундировать — одно из «фирменных» слов ЯКа.

Свободному учёному непросто объяснить окружающим, чем он занят, что и для кого пишет. Тогда идут в ход затёртые штампы: «Пишу для себя», «Пишу в стол». Не верьте. Свободный учёный не станет писать для себя. А «в стол» означает «в схрон», в тайник, чтобы не сгубили плоды его в корне сменившихся воззрений⁵.

Итак, очерк Я.А.Кронрода «Соцолигархизм как псевдосоциализм XX века» (1974) — документ (и памятник) свободной научной социалистической мысли во времена тоталитарного (фашистского) СССР.

4. Изнурительная дорога к свободе

С чего начинается свобода? С восстания. С активного неприятия рабства, унижения. С отречения от покорности.

Для тех советских людей, которые искренне были привержены идеалам социализма, путь к свободе был крайне затруднён социалистической маскировкой сталинской системы, включая социалистическую фразеологию. Для учёного-обществоведа, имеющего социалистическое мировоззрение, существовала дополнительная ловушка — до крайности вульгаризированный марксизм, так называемый марксизм-ленинизм. Эта сталинистская идеология была и остаётся антиподом марксизма. Для Я.А.Кронрода имелось и ещё одно обстоятельство, затруднявшее его идейное освобождение: он воевал с гитлеризмом и победил его вместе со своим народом и со сталинским режимом. Эйфория победы задерживала освобождение от гнёта сталинизма (такой вышла реальная историческая диалектика).

Я.А.Кронрод (а вместе с ним и мы, его молодые сотрудники и ученики) со времён хрущёвской оттепели упорно и самоотверженно исследовал перспективы нашей

⁵ В.С.Гроссман тоже писал свой роман о фашизме в СССР «Жизнь и судьба» вроде бы «в стол». Но делал два первых экземпляра рукописи, чем и обманул КГБ. Рукопись арестовали. О наличии другого первого экземпляра кагебисты не додумались.

экономики. Эти перспективы он видел не иначе, как социалистическими (и коммунистическими). Мне уже доводилось писать о ситуации в теоретической экономической науке СССР в брежневские времена⁶. Три научных школы отчётливо обозначились тогда в политэкономии социализма. Школа И.И.Кузьмина (АОН при ЦК КПСС) — носители и защитники кондового, окостеневшего сталинизма. Школа Н.А.Цаголова (МГУ им. М.В.Ломоносова) — коллективный разработчик модернизированного сталинизма в политэкономии. И школа Я.А.Кронрода (Институт экономики АН СССР) — приверженцы живой социалистической идеи, с представлениями о социализме в духе К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, но не в духе Сталина, Брежнева, Суслова и всего выработанного сталинистами «марксизма-ленинизма».

Обстановка в стране и в мире была такая, что назрела и осознавалась потребность перемен и реформ. Вопрос был только в том, какими должны быть перемены и реформы. Школа Я.А.Кронрода отчётливо и последовательно работала на социалистическую перспективу. Поэтому у нас неизбежно получалось, что требуется демонтаж многого привычного в сложившихся порядках и — что существенно — требуется реальная демократизация хозяйственной и общественной жизни. Мы все тогда исходили ещё из того, что сложившаяся система способна к самореформированию. Только позже опыт показал, что неспособна.

Режим воспринимал разработки кронродовской школы как подозрительные, политическим инстинктом угадывал их глубинную нелояльность. Политическим иммунодефицитом режим не страдал, и цитаты из классиков и генсеков его бдительность не усыпляли. Немалую роль играли, конечно, и идеологические пособники режима — «борцы за чистоту марксизма», особенно из сталинистских школ И.И.Кузьмина и Н.А.Цаголова. Этим режим доверял, как себе самому.

⁶ Ракитский Б.В. *Политическая экономия социализма сегодня*. — М.: Изд. «Наука», 1990. с. 27-49.

Представьте себя на месте Я.А.Кронрода в 1960-е годы. То есть руководителем теоретического сектора в головном академическом экономическом институте. Вы чувствуете свою профессиональную мощь, а ваш авторитет в научных кругах высок и несомненен. Вы руководите крупными коллективными разработками. Часть из них сделана по специальному поручению в связи с подготовкой новой Программы КПСС. Теперь вот создаётся крупный научный труд по перерастанию социализма в коммунизм. Организуются и проходят под вашим руководством крупные конференции всесоюзного масштаба. У вас готова и выходит большая фундаментальная монография «Законы политической экономии социализма». Всё это — ускорение, приобретённое в годы хрущёвской оттепели.

Но оттепель сменилась брежневщиной-сусловщиной. Ваши разработки как бы не ко двору, не ко времени. И чем дальше, тем это очевиднее. Вас неуклонно, всё откровеннее и жёстче «принуждают к лояльности». То есть, как минимум, к пассивности, к безликости. Перед вами открыта дорога в угодливые апологеты. Вы уклоняетесь от навязываемого выбора. Пока что без оргвыводов. Но вы уже напряжены, вы внутренне собраны, бдительно избегаете провокаций и ловушек. Вас почём зря разносят за публикации, содержащие вами же разумно дозированные свежие мысли и подходы «Заушательская критика», с досадой комментируете вы. Вы оберегаете ретивых учеников, готовых быть безрассудно смелыми, вырезаете из их рукописей до трети текстов.

И всё равно не уберёжешься. После «Пражской весны» в ЦК КПСС решают отыскать в своей стране «внутреннюю эмиграцию», источники идейной порчи. Сочиняется редкая по своей безграмотности выдумка — «рыночный социализм»⁷. Оказывается, это ваша

⁷ См. Ракитский Б.В. Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага — «рыночный социализм» — и как с ним боролась.

концепция, ваши ошибки идейно-теоретического характера. Как же можно доверять вам руководство теоретическим сектором в головном институте?

Всё-таки он был долготерпелив и вынослив, наш Учитель, если не взбунтовался гораздо раньше. Всё ожидал, что бескультурные, безграмотные номенклатурные хамы переведутся, а социалистический базис потребует в конце концов руководителей совсем другого типа. Система с этими ожиданиями не считалась, она клонировала руководящие кадры, как «плоть от своей плоти», по собственным, отнюдь не социалистическим меркам.

После отстранения от руководства сектором Я.А.Кронрод остался работать в Институте экономики АН СССР. По-моему, напрасно.

Но это другой сюжет. Существенно, по-моему, что после разжалования в рядовые старшие научные сотрудники Якову Абрамовичу больше нечего было терять и нечего опасаться. Иногда это благотворно расковывает.

5. «Восставший прекрасен! Всегда!»

Я перечитываю очерк Я.А.Кронрода и представляю, в каком настроении и в каком порядке он его писал.

Общий облик генерального вывода уж несколько лет как выношен. Пока что этот облик обозначен клеймом «соцолигархизм». Несколько мудрёно, но ЯКу кажется удачным. Это его, доктора Кронрода диагноз системе. Если пояснить, то соцолигархизм — это примерно вот что: злокачественная политическая и социально-экономическая опухоль на прогрессивном процессе национально-государственного обобществления решающих средств производства. Примерно так. Соединение этих двух начал — доброкачественного и злокачественного — для

Статья напечатана так, как написана автором, в периодическом издании «Перспективы и проблемы России», выпуск 38. М.: 2007. С. 22-41. В искажённом виде и с купюрами статья напечатана в журнале «Россия и современный мир». №1. 2008. Стр. 188-199.

общества крайне болезненно, а в перспективе смертельно.

Чтобы успешно лечить общество от соцолигархизма, надо изучить эту болезнь, понять, как она развивалась, когда и как общество допустило и запустило эту смертельную болезнь. Так уж мы обучены классическим марксизмом: в генезисе таится разгадка существа, конкретно-исторический подход — превыше всего.

И начинается переосмысление советской и партийной истории. Ах, чёрт возьми, как мало материала для масштабного переосмысления! Вся советская история, как Луна: половина освещена, половина — во тьме, в «совсекретности». Кое-что из утаиваемого приоткрывается, но скупое, мало. Из значительного разве что В.С.Гроссман о свирепом голоде на Украине. Только что выслали А.И.Солженицына. Опубликовал во Франции «Архипелаг ГУЛАГ». Почитать бы!

Но вообще-то и мы не с другой планеты. Вся советская история была при нас. Мы в ней участники и сами кое-чему свидетели.

И происходит действительно «коренная смена воззрений»! Всё то, что годы и десятилетия как бы откладывалось в сторону потому, что не вписывалось в стройную официальную историческую схему, обретает вдруг вес и актуальность. Факты, события, слухи, всё то, о чём не прочтёшь, а лишь обрывочно услышишь или догадаешься, или что видел сам, — всё отодвигавшееся в сторону, всё, о чём не принято было говорить «в научных дискуссиях», становится важным, полноправным, влиятельным. «Вводится в научный оборот», как говаривал, бывало, ЯК. Это немалый опорный материал.

Шаг за шагом, от Октябрьской революции до сегодняшнего дня, переоценивается, перекраивается историческая канва. И содержание, казалось бы, доподлинно известных исторических процессов представляется свободному мыслителю совсем не так, как в «Истории ВКП(б). Краткий курс» или в совсем новенькой «Истории Коммунистической партии Советского Союза»

В пересмотренном взгляде на советскую историю у ЯКа **всё сходилось!** Не было больше нужды отодвигать в сторону отдельные важные факты и события, закрывать глаза на то, что не вписывалось в официальную историческую схему, умалчивать хоть о чём-то важном. Всё сходилось! Даже не верилось, что докопался до полной правды. На всякий случай сам себя критически перепроверил: не ошибся ли в запале? Нет. Всё сходилось. Это была истина.

Истина была жуткой:

«Только лишь террористическая практика гитлеровского фашизма перед войной и массовый геноцид времён войны были аналогом тому, что случилось в империи Сталина (будущему исследователю вообще раскроется много черт родства и взаимовлияний этих двух антагонистических систем).

Исторически социально-политический смысл сталинского террористического переворота состоял в том, что персональная диктатура сбросила с себя тот кокон, в котором она сформировалась: массы превратившихся в соцолигархов старых кадровых партийцев, старый лучший актив рабочего класса и интеллигенции, поднятых к политической деятельности волнами революции были истреблены и заменены кадрами по преимуществу крестьянско-мещанского происхождения, карьеристов-временщиков, поставленных у власти милостью диктатора. Старые кадры стали физической жертвой персональной соцолигархической диктатуры, новые кадры — её продуктом, консолидированной социальной опорой, безгласным, абсолютно послушным и на всё готовым безыдейным, солдатски вымуштрованным, профессионально вышколенным, слепым, нерассуждающим, бесконечно преданным диктатору мстительным тренированным орудием его политического действия

Террористическая диктатура Сталина, соцолигархическая по своему социально-историческому смыслу, стала трагически мрачным, иррациональным результатом первой четверти века развития процессов

перерождения русской революции, противоречащих самому сокровенному её смыслу и предназначению; соцелигархическая тенденция окончательно победила.

Вся последующая тридцатилетняя история соцелигархизма — цепь непрекращающихся расправ над народами страны, дальнейшая эволюция соцелигархоструктуры, к тому же окрашенная в крестьянско-мещанские мизантропии, безысходной ограниченности, тупого шовинизма, антисемитизма, презрения к подлинной духовности и культуре, ценностям мировой цивилизации, с верой во всемогущие кнута, палки, окрика, низкопоклонства, раболепия и одновременно хамства — этих неотъемлемых черт воспитанной веками рабства психологии, образовавшего её человеческого материала»⁸

И тут ЯК спохватывается: «Да что же получается? Всё живое раздавлено, покалечено, осрамлено... Их тлетворная тенденция, пишу, «окончательно победила». Получается, выхода из соцелигархизма нет. Или он всё же возможен? Но из чего же возродиться народу?»

Это самый трудный вопрос. В конце 1960-х, я помню, мы почувствовали себя в тупике перед этим вопросом. Но была «Пражская весна» и была потом польская «Солидарность». Тем не менее вопрос оставался без научно обоснованного ответа. Ещё в начале перестройки мне пришлось честно написать: «Вопрос о движущих социальных силах выхода из деформации социализма наукой не исследован».⁹

Кронрод поступил иначе. Он марксист, и оптимизма марксистского типа у него не отнимешь. У марксистов всегда в запасе исторически прогрессивные объективные факторы — развитие материальных производительных сил и базис. ЯК добавляет оптимистический абзац:

«Конечно, величайшая сила социалистического базиса, хотя бы лишь только формального, состояла и

⁸ Я.А.Кронрод *Очерки социально-экономического развития XX века.* — М.: «Наука». 1992. С. 216.

⁹ *Очерки политической экономики социализма.* М.: «Наука». 1988. С. 65.

состоит в том, что вопреки путам соцолигархизма, наперекор ему этот базис включает в себе ещё мощные импульсы исторического действия. Титаническая борьба советского народа в мировой войне против гитлеризма и выигрыш этой войны, несмотря на близорукость, просчёты и преступно-бессмысленные действия Сталина и его окружения, стоившие народу миллионов напрасных жертв, — это результат соединения могучих социалистических импульсов к борьбе народа против захватчиков, классовых врагов с импульсами национального самосохранения. Послевоенный быстрый хозяйственный подъём — это также проявление сил социализированного базиса»¹⁰.

А дальше пошла работа над первой и третьей частями очерка. Привычная, в общем-то, теоретическая и проектно-прогнозная работа, но теперь уже свободная, не то что во времена проработки коммунистической экономической перспективы до 1980 года для проекта новой Программы КПСС.

Как искренне мне жаль, что я не видел Якова Абрамовича и не говорил с ним в ту пору о его работе! Он был тогда высок и великолепен, но и озабочен, наверное, как никогда. Он тогда восстал.

Скульптор И.Д.Шадр изваял в своё время «Булыжник — оружие пролетариата». Его упрекали: «Где это ты видел такого рабочего? Он у тебя прямо красавец, атлет!» Несоответствие было налицо, но не смущало Шадра. Конечно, прототипы его рабочего на улицах Екатеринбурга в 1905 году были не такими. Но именно тогда И.Д.Шадр задумал скульптурную фигуру восставшего человека. На упрёки И.Д.Шадр отвечал убедительно: «Восставший прекрасен! Всегда!»

6. Сущность общественного строя в СССР

¹⁰ Я.А.Кронрод *Очерки социально-экономического развития XX века.* — М.: «Наука». 1992. С. 216.

Я.А.Кронрод дал достаточно полную (разностороннюю) и глубокую оценку общественному строю в СССР, отметил обширный круг его существенных и содержательных характеристик. Зафиксируем основные кронродовские характеристики.

1. Строй в СССР не может быть отнесён (типизирован) к той или иной общественной формации. В отличие от формаций, это исторический тупик.

2. Генезисная причина попадания в исторический тупик — перерождение политической надстройки, «превращение власти пролетариата во власть бюрократического милитаристского правящего слоя общества» (стр. 192).

3. Процесс перерождения власти прошёл два этапа: первый — превращение власти пролетариата во власть бюрократического слоя. Этот слой, подчиняясь логике своего движения, взрастил и выдвинул вождя (диктатора); увенчал своё монопольное положение в системе власти гарантом — единоличным диктатором;

второй: диктатор совершил террористический переворот — истребил породивший его бюрократический слой и заменил полностью зависимыми от него назначенцами. ВКП(б) (КПСС) перестала быть партией, превратилась в аппарат насильственного осуществления власти диктатора.

4. Сутью политической системы СССР была монополия на власть. Через 3 года, в 1977, монополия КПСС на власть будет закреплена в новой Конституции СССР (статья 6).

5. Способ властвования — преимущественно насильственный. Это общая (и самая мягкая в очерке) формулировка. Она дополняется многими более конкретными, и каждая из них отражает ужас и жуть. Я.А.Кронрод не говорит этого слова, но обрисовывает суть фактически геноцидного властвования¹¹.

¹¹ В период перестройки понадобились обозначения методов властвования в тоталитарном СССР (демократический централизм был изобличён как камуфляж вовсе недемократической системы). Мы с Г.Я.Ракитской предложили

6. Строй в СССР исключает реальную политическую демократию, несовместим с нею.

7. Монополист (узурпатор) власти — особый привилегированный слой политических и экономических олигархов. Этот слой, как уже отмечалось, претерпел насильственную замену персонального состава в годы Большого террора.

Властвующий слой олигархов не имеет в очерке Я.А.Кронрода завершённой, непротиворечивой трактовки. Об этом чуть позже.

8. Социальная структура общества описывается Я.А.Кронродом не как кастовая, а как необычайно деформированная и — что очень важно отметить — намеренно замаскированная под социалистическую. На самом деле структура эта — безжалостно эксплуататорская. Но положение эксплуатируемых трудящихся — «чрезвычайно осложнено и запутано».

Ярко, образно и в то же время сущностно точно отмечены (а можно сказать, списаны с натуры) нездоровые тенденции деклассирования (стр. 194). Деклассированию подверглись «миллионные массы». Причина деклассирования — существование и функционирование соцолигархии.

9. Общественное сознание угнетённых масс не достигает «общественно-классовой кристаллизации» (с.196). Замаскированность общественного устройства «под социализм», мощная пропаганда («мощная догматически-идеологическая обработка») и «не знающее пощады тотальное полицейское подавление народа» — вот факторы, крайне замедленного и пресекаемого властями осознания массами своего реального социального положения.

Я.А.Кронрод отмечает весьма тонкую вещь — оторванность массового сознания от его реального исторического основания, то есть оторванность народных масс от реального исторического контекста. «Мировоззрение масс, созданное историей, — пишет

термин «командно-карательный тип управления», а Г.Х.Попов — «командно-административные методы управления».

Я.А.Кронрод, — ныне, лишившись своего исторического основания, стало иллюзорным» (с. 197). **Иллюзорным!** Добавлю от себя, что из такой фиксации состояния массового сознания у марксистов следует два вывода: 1) иллюзорное сознание есть религиозное сознание, а потому 2) иллюзорное сознание масс является не фактором их превращения в материальную силу (в субъект) исторического действия, а в покорный объект исторического манипулирования.

10. Точно (хотя и очень кратко, тезисно) высвечена как составная часть и пружина соцолигархического режима «тайная система органов так называемой государственной безопасности» (с. 197). «...Органы полицейской охраны сочетаются с органами идеологической охраны».

11. Историческому тупику соцолигархизма есть историческая альтернатива, ибо «история не знает внеальтернативных путей движения» (с.199).

Я.А.Кронрод называет три общественно значимые тенденции, формирующие исторические перспективы соцолигархизма:

— социалистическую тенденцию с выходом из исторического тупика через социальный взрыв к социализму;

— соцолигархическую тенденцию с консервацией соцолигархизма. Эта тенденция «окончательно заводит соцолигархизм в тупик исторического застоя, гниения и вырождения»;

— соцтехнократическую тенденцию, при которой часть современной соцолигархии — технократия (хозяйственная и военная) — заменяет у кормила власти малокомпетентную верхушку партийно-государственной олигархии. Глубинные пороки режима сохраняются, финиш — в том же историческом тупике, хотя режим движется к полному краху, «может быть, и более медленно».

12. «Исход борьбы этих трёх тенденций исторического развития зависит от энергии носителей каждой из них...» (с. 202).

Таковы основные сущностные штрихи, которые я вычленил в Кронродовской характеристике природы и существа строя в СССР. Вычленил, выпятил — но тем самым, к сожалению, придал схематизм (научную сухость) написанному Яковом Абрамовичем. Дело в том, что у него изображение строя и общества в СССР сотворено по целостнообществоведческой методологии. Благодаря этой методологии научно отображается целостная картина предмета в реальном конкретно-историческом контексте. Учёный как бы пишет эту картину с натуры, но видит натуру насквозь, вплоть до сущностных уровней. Такая картина не может быть неверна, хотя кое-что в ней может быть неотчётливо прописано или — что чаще — непонятно зрителю (читателю). Целостная картина всегда верна потому, что её достоверность передаётся не перечнем пусть и безупречно доказанных пунктов (фрагментов), а тональностью, окрашенностью в «цвет эпохи». Целостнообществоведческая методология — ноу-хау Научного Мастерства, когда научное познание идёт рука об руку с искусством познания.

Наш Учитель в полной мере владел Научным Мастерством. А потому сделанное им в 1974 г. раскрытие сущности строя и общества в СССР — и поныне одно из самых полных, содержательных и достоверных. Хотя, как ведётся на Руси, его произведение не было опубликовано (предъявлено обществу) при его жизни, имя Я.А.Кронрода может стоять в ряду таких антитоталитарных мыслителей и исследователей, как В.Серж (В-Н.Л.Кибальчич), Х.Арендт, М.Джилас, А.И.Солженицын, М.С.Восленский.

7. Генезис тоталитаризма в СССР

Второй раздел очерка — «К генезису социалигархизма».

Уже отмечалось, что переосмысление (вернее, честное осмысление) событий и процессов полувека советской истории осуществлено Я.А.Кронродом при крайней неполноте фактического и задокументированного материала, но осуществлено современником, а потому и

участником, и свидетелем реальной истории. Это позволило Я.А.Кронроду рассуждать об этом полувек, не утрачивая целостного представления о реальной связанности процессов и событий. Эта связанность позволяла выстроить истинную логическую линию советской истории при весьма ограниченной доступности фактического исторического материала.

Случившаяся после четвёртой русской революции так называемая «архивная революция» во многом девальвировала писания отечественных историков об истории СССР, но ничуть не девальвировала написанного Я.А.Кронродом о генезисе тоталитарного режима в СССР. Напротив, открывшийся материал только подтвердил выявленную Я.А.Кронродом логику развития советского общества и присущего этому обществу типа власти. Во многих отношениях Я.А.Кронроду здесь принадлежит бесспорный приоритет.

Генезис чудовищной, преступной против человечности сталинистской власти рассмотрен Я.А.Кронродом с позиций социалистического мировоззрения. Мировоззрение это прямо противоположно тоталитарному, тому, которое нам всем прививали в средней и особенно в высшей школе. Сейчас обществоведы с тоталитарным мировоззрением ведут апологетическую защиту советского прошлого с весьма пошлых позиций: «а зато индустриализацию осуществили». «а зато войну выиграли», «сталинский режим был необходимой матрицей выживания»¹². Как будто без тоталитарных антигуманных методов нельзя было добиться экономических и оборонных целей и будто зверские средства могут быть оправданы достижением тех целей. Никаких подобных пошлостей у Я.А.Кронрода,

¹² На одной из конференций уже в середине 2000-х годов модный ныне С.Кара-Мурза объяснял, что для преодоления трудностей современной России допустимо использовать сталинскую «матрицу выживания». Я тут же спросил его: «Включая лесоповал, общие работы?». «Да» — ответил С.Кара-Мурза. То ещё мировоззрение!

конечно же, и в помине нет. Социалистичность общества он меряет уровнем и типом демократии.

Именно эта линия — процесс оттирания народа от власти, процесс узурпации власти, появление вместо «демократической диктатуры пролетариата» (термин Я.А.Кронрода) «диктатуры над пролетариатом», а затем процесс перерождения власти в тоталитарную, террористическую против собственного народа — именно эта линия является красной нитью исследования генезиса тоталитаризма в СССР. С моей точки зрения, данное Я.А.Кронродом объяснение генезиса тоталитаризма в СССР на сегодняшний день самое убедительное, самое обоснованное. Оно особенно ценно в методологическом отношении: генезис общественного устройства рассмотрен в контексте актуализации интересов и действий социальных сил. Это, по-моему, безупречный подход. Его так не хватает современному обществознанию!

8. Социалистическая альтернатива соцалигархизму: что делать?

По оценке Я.А.Кронрода, в 1970-е годы советское общество находилось на стадии «интеграции инакомыслящих одиночек, кружков, групп в общее движение и поиски ими программ движения» (с. 225). Весь третий раздел очерка — «О социалистической альтернативе соцалигархизму» — посвящён программным сюжетам движения за выход СССР из тоталитаризма в социализм.

Если бы четвёртая русская революция не была потороплена мятежом номенклатуры, а затем не была бы взята на буксир международным капиталом, то движение шаг за шагом вышло бы в русло именно социалистической альтернативы тоталитаризму. Так не случилось в реальной истории. Поэтому идеи Я.А.Кронрода оказались в запаснике российской истории. Не исключено, что ещё пригодятся.

Я.А.Кронрод развивает свои представления о социализме, противопоставляет их извращённым

представлениям о социализме официозного «марксизма-ленинизма». Он выявляет объективные тенденции развития и обозначает существо четырёх устоев социалистического общества. Совершенно закономерно, что это последовательно гуманистические и последовательно демократические устои.

Дана Я.А.Кронродом и программа борьбы за новое общество. «Эта программа (её функциональные цели и задачи, как они складываются в итоге поисков на научной марксистской базе), — пишет Яков Абрамович, — могла бы быть определена в её принципиальных основах в следующих главных положениях» (с.226). И далее он разворачивает обширный содержательный круг этих главных положений:

- а) В области экономической;
- б) В области политической;
- в) В области правовых гарантий;
- г) В области образования и духовной культуры.

Повторю, что большая часть положений — последовательно гуманистические и последовательно демократические положения. Что вполне закономерно: ведь социализм – это реальный гуманизм и народная демократия.

О ряде высказанных Яковом Абрамовичем положений можно было бы поспорить. Оспорить, к примеру, его предпочтения парламентской демократии, а не такой формы народной демократии, как рождённые российскими революциями советы. Но это едва ли актуально в наших современных условиях¹³.

Можно засвидетельствовать, что антитоталитарные и антиимперские силы в ходе четвёртой русской революции

¹³ Впрочем, участвуя с 1987 в российском рабочем демократическом движении, мы убедились (на примере шахтёрского движения, на примере новых классовых профсоюзов), что любая более или менее значимая социально-политическая активизация трудящихся сама собой, без навязывания и подсказок, порождает советский, а не парламентский тип самоорганизации и действия. У советских рабочих этот заново порождённый ими тип самоорганизации получил в 1980-1990-е годы название «перевернутая пирамида».

вышли в своих программах на многие из высказанных Я.А.Кронродом положений общедемократического характера. Не востребованными (по ряду специфически исторических причин и обстоятельств) оказались только последовательно социалистические и отчётливо социалистические положения.

9. Социалистическая альтернатива соцулигархизму (окончание): кто сделает, кто заставит сделать?

Шутят и ёрничают: любимый, де, вопрос социал-демократии и русской интеллигенции — «Что делать?». С недавних пор стали обращать внимание на гораздо более сложный вопрос — «Кто сделает? Кто заставит сделать?» Это вопрос о субъектах исторического действия.

Для социалистической мысли это вдвойне злободневный вопрос. Марксовы ответы на него, сделавшие социализм вроде бы научным, через полтора с лишним столетия не выглядят безусловно убедительными. Промышленный пролетариат был обозначен К.Марксом и Ф.Энгельсом как могильщик капитализма. Но промышленный пролетариат сходит с исторической арены вместе с индустрией как передовым и доминирующим технико-технологическим укладом, а капитализм «идёт себе дальше». Научность марксизма, тем самым, покачнулась. Есть марксистские научные разработки, обосновывающие сомнение в том, что промышленный пролетариат в принципе (то есть с самого начала, с XIX века) способен сделать социалистическую революцию.

Я.А.Кронрод в своём очерке стоит на традиционной марксистской трактовке исторической перспективы. Решающим фактором, обеспечивающим «капут» капитализму, является прогрессирующее обобществление производства, объективно, якобы, требующее «адекватных себе форм отношений собственности на средства производства, то есть прямого соединения

материальных факторов производства и производителей» (с. 218). Из самых глубинных потребностей современной экономической организации вырастает, по Я.А.Кронроду, общенародная демократия (с.218)¹⁴.

Эти пассажи требуют доказательств. Но если даже подобные положения будут заново научно доказаны, то всё равно останется вопрос о субъектах исторического действия, способных реально осуществить социалистическую революцию.

Я.А.Кронрод не обходит этот вопрос. Он касается социального положения рабочих, крестьян и интеллигенции при социализме и находит, что огромное большинство населения «самим содержанием и развитием противоречий социализма объективно толкается на путь борьбы за ниспровержение этой системы» (с.224). История доказала, что эти представления были верными. А вот насчёт позитивной программы антисоциалистической революции вопрос остался открытым. Кроме «Пражской весны», ни одна другая антитоталитарная революция не выдвинула программы перехода от тоталитаризма к социализму.

Проблема движущих сил социалистической революции обозначилась к началу XXI века как гораздо более сложная и гораздо менее научно обоснованная, чем это представлялась во времена К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина и во времена нашей молодости. Большая и глубокая предстоит работа для всей мировой социалистической мысли.

10. Интимно-инновационное в области методологии общественнознания

Нельзя не высказаться откровенно по поводу тех выводов, подходов и постановок в очерке «Социализм как псевдосоциализм XX века», которые я не беру на идейное вооружение. Речь не о критике этих положений, выводов и подходов. Речь о попытке глубже

¹⁴ К слову, у либералов-фундаменталистов демократия автоматически вырастает из частной собственности одновременно и в увязке с возникновением рынка..

вникнуть в них, осмыслить их как резервные наработки социалистической антитоталитарной мысли. Чтобы объяснить мотивы и тон таких попыток, мне придётся изложить на бумаге (внятыми словами) некоторые заветные настроения и мысли.

По содержанию эти мысли касаются методологии обществоведческих исследований. Но по форме своего зарождения, эфемерного поначалу существования, по способу закрепления — это не мысли даже, а скорее чувства и предчувствия. Я уверен, многим опытным, но ненасытным мыслителям и исследователям знакомо это странное ощущение истины, когда к твоей новой (или для тебя новой) идее, к концепции, к теории примешано чувство относительности истины. Точно знаешь, что всякая истина относительна, но вот чувство относительности твоей (или для тебя) явно плодотворной, явно новаторской, явно здорово «работающей» идеи, концепции, теории не даёт тебе застрять на идейной новации. Оно маячит, напоминает о себе, а твоя «научная совесть» (понятие Я.А.Кронрода) не позволяет от него отмахнуться.

Учёные не говорят и не пишут об этих интимных сторонах своего творчества. Но поймут, о чём я говорю. Это всё то, что пока оказалось не по силам, к чему пока не совсем готов на своей добровольной каторге добытчика истины.

Кому понятно, о чём я говорю, тот пусть читает дальше.

При чтении, а затем при неспешном обдумывании очерка Я.А.Кронрода меня пронзила вот такая мысль. Мы носим каждый в себе то, что я только что назвал чувством относительности истины. Но это чувство касается по преимуществу своих собственных вкладов в истину, по преимуществу добытых тобой золотинок истины. По отношению к чужим (не к чуждым, а к не своим) идеям, концепциям, гипотезам, теориям обычно не возникает подобного чувства относительности истины, то есть примешанности оттенка «ой, тут есть ещё что-то важное, невыявленное». Результаты «не своей» мысли мы

оцениваем более грубо, без чувственных тонкостей и переживаний. Мы их принимаем или не принимаем. В тех, которые не принимаем, не пытаемся вычленить ценные элементы. Ибо так уж устроено познание: всё ценное оно воспринимает не в виде «свободных радикалов» истины, а в составе более или менее целостного, устойчивого смысла. Единицей нового в науке, как известно, признаётся не пресловутый «элемент научной новизны», а новая теория.

Напиши очерк не Я.А.Кронрод, а другой дядя, я бы отметил как ценное то, что уже и отметил. А такие штучки, как сам термин «соцолигархизм» и некоторые другие подобные, просто не принял бы, посчитал бы «отходами духовного производства». Но очерк написал Я.А.Кронрод, учеником и последователем которого я себя считаю. По отношению к тому, над чем бился и чего добился мой Учитель, я не вправе быть столь нечутким. И вот я снова возвращаюсь к тому, что не принял бы от других, и вдумываюсь в это уже не как посторонний «коллега», а как ученик. Как ученик — значит совсем иначе, не жалея времени и серых клеток и **исходя из презумпции правоты Учителя.**

1. Соцолигархизм (соцолигархия, соцолигархи, соцолигархоструктура и др.) — заглавное и ключевое понятие в очерке. Образовано от слияния смыслов двух понятий: социализация (обобществление) и олигархия (господство немногих). О мотивах слияния и о разрешающих возможностях понятия можно только догадываться, прямых авторских объяснений нет.

Сама конструкция понятия решительно отличается от привычной конструкции подобных понятий. Так, конструкция принятых понятий «капитализм», «феодализм», «рабовладельческий строй» построена на фиксации способа господства в хозяйстве, а еще, точнее, — на фиксации типа доминирующего социально-хозяйственного уклада. Капитализм обеспечивает стремительное продвижение в социализации (обобществлении) воспроизводства, но понятие

«соцкапитализм» (или «соцкапиталисты» и т.п.) не возникло.

Какую глубинную мысль закладывал Я.А.Кронрод в изобретённое им понятие? Возможно, в конструкции понятия он пытался подчеркнуть историческую **противоестественность** такого социально-экономического феномена, как соцолигархизм. В его очерке соцолигархия представлена как имеющая абсолютную власть и в обществе, и в хозяйстве. Но социализация производства, базис («пусть и формальный») кладёт исторический предел этому господству.

Я предполагаю, что понятие «соцолигархизм» возникло под влиянием того, что вторая часть очерка — «К генезису соцолигархизма» — была написана раньше первой части — «Сущность соцолигархизма». Продукт перерождения пролетарской власти надо было как-то назвать. И очень даже возможно, что поначалу это был «социалистический олигархизм (соцолигархизм)». Для обозначения продукта перерождения социализма это более или менее подходило (как обозначение превращения социализма в свою противоположность, в антипод). А для раскрытия сущности создавшегося строя уже не подходило. Тогда «соц-» стало обозначать «социализацию». Но это, напоминая, не более чем предположения¹⁵.

А как же всё-таки расшифровать «соцолигархизм»? «Социализированный олигархизм»? Вроде бы бессмысленно.

Чем помогло Я.А.Кронроду понятие «соцолигархизм» при вскрытии существа сталинистского тоталитаризма я, честно признаюсь, не вижу. Но какие-то эвристические надежды Яков Абрамович на это понятие, наверное, возлагал. Хотя, судя по двум местам текста, можно

¹⁵ У Я.А. Кронрода «соцолигархизм» — точно не «олигархический социализм». Это важно подчеркнуть в связи с расплывшимися после четвёртой русской революции попытками изобразить строй в СССР хоть каким-нибудь, но всё же социализмом. К примеру, ранний социализм, мутантный социализм и т.п.

предположить, что у понятия «соцолигархизм» было более чем скромное предназначение — избежать употребления слова «фашизм» по отношению к обществу в СССР, как-то иначе (просто хотя бы другим словом) обозначить то общество, которое имеет много «черт родства» и действует аналогично гитлеровскому фашизму (с.216, 221).

2. «Соцолигархия не образует особого общественного класса» (стр. 193). Такое утверждение неожиданно. Аргументов у Я.А.Кронрода два. Во-первых, соцолигархи — не монопольные собственники материальных условий производства. «Во-вторых (и это решающее обстоятельство), потому, что слой этот не является закономерным элементом внутренней структуры способа производства (в данном случае — переходного к социализму или начальных его форм), не порождается этой структурой» (с. 194).

Конечно, в классическом марксизме с разработкой дефиниции «класс» дела обстояли не блестяще. И Ленинское определение 1919 года дано на скорую руку. Тем не менее требовалось, отказывая соцолигархии в статусе класса, гораздо обстоятельнее объяснить свою позицию.

Если реально господствующая в обществе и в хозяйстве социальная группа — не класс, то какие же группы тогда классы и — господствующие классы? Не получается ли, что в соцолигархическом (тоталитарном) обществе вообще нет классов? По моим рассуждениям, при тоталитаризме классов нет, а есть касты. Но касты — это тоже социальные группы. Такова социальная структура тоталитарной деформации общества — не классовая, а кастовая. Но если так, то и рабочий класс при соцолигархизме — не класс, конгломерат каст. И крестьянство. И рабы в ГУЛАГе — не класс, а каста.

Я.А.Кронрод поднял, мне кажется, фундаментальный вопрос о типах социальных структур в обществах разного типа: формационных (устойчивых), переходных, деформированных, перерождающихся и т.п. Поднял, хотя и не решил.

3. В высшей степени загадочной является у Я.А.Кронрода трактовка базиса. По К.Марксу, «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания». Яков Абрамович отмечает, что при соцолигархизме «в итоге воздействия чуждой ему надстройки социалистический базис глубоко деформируется. Он представляет собой противоестественное, уродливое сочетание сохраняющихся социально-экономических основ социализма с враждебными формами их реализации» (с.194). И вместе с тем «величайшая сила социалистического базиса, хотя бы лишь только формального, состояла и состоит в том, что вопреки путам соцолигархизма, наперекор ему, этот базис заключает в себе ещё мощные импульсы исторического действия» (с.216).

Полагаю, что описанное так действие общественных механизмов очень похоже на нечто мистическое. По всей вероятности, теория классического марксизма не выработала инструментария и категориального аппарата для отображения движения деформированных обществ. В обществе всё делается сознательно. Чтобы объяснить «мощные импульсы исторического действия», надо понять и показать, что именно и как именно подвигает людей к действию. Ссылок на чудодейственность пусть призрачного («хотя бы лишь только формального»), но всё-таки базиса — маловато.

4. «Отделение экономики от государства» (с. 227). Я.А.Кронрод предлагал создать в будущем, при социализме общенародную экономическую систему, отдельную, независимую от государственной

политической системы, путём разделения сверху донизу государственного аппарата политической власти и негосударственного хозяйственного аппарата управления экономикой (с.227). Это предложение отчасти конкретизировано.

Признаюсь, это предложение предполагает пересмотр практически всех основных марксистских положений о роли государства в обществе и в экономике, представлений о собственности, об одностипности власти в обществе и в хозяйстве и т.д. Обсуждать такую новацию в формате доклада невозможно. Будем помнить, что такая постановка проблемы существует.

11. Отчёт

В начале этого доклада я затронул тему ответственности учеников — тему «обязаны идти заметно дальше Учителя». Если говорить именно по теме доклада — о характере и природе общественного строя в СССР, — то в качестве своего личного отчёта ученика могу сообщить следующее.

1. В апреле 1983 на большом всесоюзном семинаре в г. Новосибирске публично поставил вопрос, способна ли существующая в СССР система к самореформированию. Обосновал её неспособность к самореформированию. Публично зафиксировал, что требуемые предстоящие перемены будут не реформами, а социальной революцией. Этот же вывод высказывал и обосновывал в 1986 на Всесоюзном совещании по актуальным проблемам исторического материализма и в ряде других выступлений. Характер предстоящей революции формулировал так: всесторонняя десталинизация общества.

2. В выступлениях и публикациях, начиная с 1986 г., неоднократно поднимал вопрос о необходимости проведения Нюрнбергского процесса над идеологией и практикой сталинизма.

3. В 1987 совместно с Г.Я.Ракитской подготовил и представил в ЦК КПСС доклад «Идеология перестройки»

как стратегия и тактика социальной революции в обществах современного советского типа»

В докладе выявлены два основных антагонистических противоречия общества в СССР:

- 1) монополия КПСС на власть и
- 2) имперский характер союзного государства.

Этим предопределялся вывод о характере и содержании назревшей революции как антитоталитарной и антиимперской.

4. С 1987 активно идейно обслуживал зародившееся демократическое рабочее движение в СССР и народные антитоталитарные и антиимперские организации Эстонии и Литвы. Подготовил специальный доклад «Проблематика республиканского хозрасчета в контексте перестройки национально-политических отношений в СССР (теоретические аспекты)». Доклад опубликован в апреле 1989 в Таллинне. Текст доклада, по свидетельству К.Прунсене, были вооружены все делегаты Съезда народных депутатов СССР от прибалтийских республик.

В июне 1990 вместе с товарищами и учениками учредил Комитет «Содействие» (Комитет содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся). Участник рабочего движения с 1988.

5. В конце 1980-х годов предложил и активно пропагандировал теорию деформаций и перерождений социализма.

«Пражская весна» и особенно идеология народного манифеста «Две тысячи слов...» укрепляли надежду, что перерождение социалистического сознания масс трудящихся ещё не произошло. Да и польская революция «Солидарности» не исключала этой надежды. Более того, оживление политической активности рабочих в годы перестройки являло признаки социалистического массового сознания.

Предложенная теория позволяла более предметно подходить к проблеме социальных сил, способных вывести страну из исторического тупика.

6. Пересмотрено учение К.Маркса, кладущее в основу исторического материализма как причинный

фактор развитие материальных производительных сил. Исторический материализм очищен от экономического материализма (экономического детерминизма). Учение о базисе и надстройке отброшено. Выявлено, что не ресурсная база (экономика) определяет будущее общества, а социальные силы (в соответствии с конкретно-историческим соотношением этих сил) формируют и переформируют (фактически выбирают и целенаправляют) ресурсную базу.

Этот новый взгляд окончательно позволяет понять и обосновать, каким образом и почему вполне закономерно, а не случайно возможны такие деформации, как тоталитарный общественный строй (исторический тупик, с позиций гуманистической линии развития).

Но мой подход, надо сказать об этом прямо, полностью девальвирует упования Я.А.Кронрода на некие глубинные импульсы, идущие от социализации производства и от базиса.

7. Этот же новый взгляд на способы и перспективы общественного бытия позволил научно объяснить механизм антитоталитарных революций. Внутренние антитоталитарные силы активизируются крайне медленно, а потому велика опасность манипулирования ими со стороны тоталитарного режима, сил реставрации и внешнеполитических сил. Отсюда чрезвычайно малая вероятность выхода из тоталитаризма в социализм. Более вероятны возвраты в исторический тупик, вхождение в исторические зигзаги и петли, а также «цветные революции» по сценариям господствующих геополитических сил.

8. Проделан анализ четвёртой русской революции (1988-1991 годов). Её характер определён как антитоталитарная и антиимперская. По способу осуществления это была «цветная революция», в которой доминировала такая «внешняя» движущая сила, как международный капитал и его организации. Главный геополитический результат этой революции — полураспад тоталитарной империи СССР и отбрасывание России и других частей бывшего СССР на периферию

капиталистического мира, в разряд периферийно-зависимых обществ.

Вот то основное, что удалось пока что сделать по проблематике характера общественного строя в СССР, понимания природы тоталитаризма и путей выхода из него.

12. С кем был бы Я.А.Кронрод в годы перестройки и позже

Деятельность КПСС в 1960-1980-е годы была мощным фактором, препятствующим формированию и развитию сил, ориентированных на социалистическую демократию и на социалистически нацеленные антитоталитарные действия. Во-первых, подавлялось любое социальное инакомыслие, включая и действительно социалистическое. Большая часть антитоталитарного инакомыслия была уловлена внешними буржуазно-демократическими влияниями и антиСССРовскими геополитическими структурами. Значительное место в этой части занимают диссиденты-правозащитники и одиночные крупные деятели литературы и искусства. Диссиденты социалистической ориентации не получали западной поддержки и травились властями СССР¹⁶

Во-вторых, затеявшие перестройку лидеры КПСС оказались очень слабо гуманитарно развитыми для оценки ситуации в целом (о тех, кто был против перестройки, вообще не говорим). Официальная наука, на которую КПСС опиралась до самого своего конца, была не на уровне адекватных представлений о состоянии и типе общества, которым номенклатура КПСС монопольно командовала и распоряжалась.

В догорбачёвскую эпоху опорой власти были научные и вузовские учреждения сталинистской или модернизированно-сталинистской идеологической

¹⁶ См. *Ракитский Б.В. Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага — «рыночный социализм» — и как с ним боролась.— Периодическое издание «Перспективы и проблемы России», выпуск 38. М.: 2007. С. 22-41.*

ориентации. Выше уже упоминались подобные учреждения экономического профиля — научные школы И.И.Кузьмина и Н.А.Цаголова. В горбачёвскую эпоху интеллектуальной опорой перестроечных властей («здорового ядра в Политбюро ЦК КПСС») и ориентированных на них сторонников перестройки стали «порядочные люди» типа Л.И.Абалкина, В.А.Медведева и т.п. Дальше «более смелых трактовок» по частным вопросам они двинуться не смогли и, скорее всего, не могли. Они воспринимали общество в СССР, зашедшее в острый системный кризис, как имеющее добротную, жизнеспособную социалистическую основу, но с признаками — как ни смехотворно это звучит — отставания производственных отношений от уровня и характера развития производительных сил. Прямо в точности, как в куплете Г. Ракитской того времени:

«Как отстали во время застоя
Мы от производительных сил!»

Публикация книги Я.А.Кронрода, в том числе её десятого очерка «Социализм как псевдосоциализм XX века» — дополнительное подтверждение того, что в СССР к периоду обострения системного кризиса тоталитарного общества наука, адекватно понимающая состояние и устройство этого общества, — **была!** Но находилась она в подполье, была приготовленным уже ответом на неосознанную ещё общественную потребность, на покуда не сформулированные общественным сознанием вопросы. В стране ещё не было массовой социальной силы, готовой задать вопросы по существу и воспринять ответы науки по поводу способов их решения.

Казалось бы, за неимением оптимальных социальных сил — демократических народных сил (таких, как в Чехословакии периода «Пражской весны») — глубокие научные оценки ситуации можно предложить реально действующим социальным силам. Их было две: одна внутренняя — тоталитарная власть КПСС, и одна внешняя — мировой капитал как фактор геополитики. Ни та, ни другая в глубоких научных оценках ситуации в СССР не нуждались. У них были свои цели, и в связи с этим —

соответствующие этим целям представления и пропагандистские мифы.

Правящая каста советского режима не была готова и не желала адекватно воспринять правду и — что ещё важнее — не была способна к кардинальному (коренному) реформированию собственного тоталитарного (фашистского) режима. Отсюда официальные партийные установки, что в СССР имеет место реальный социализм, что социалистическая наша советская демократия — не на словах, а на деле самая развитая и полная в мире. Как раз отсюда один из стратегических перестроечных лозунгов М.С.Горбачёва: «Больше демократии! Больше социализма!»

Кронродовские представления о состоянии общества и о путях выхода его из тупика тоталитаризма в русло реальной социалистической демократии ни при каких обстоятельствах не были бы приняты правящей в СССР кастой. Попробуйте предложить эти представления любому из нынешних осколков КПСС — КПРФ, РКРП и др. Они, уже потерявшие власть, и задним числом не признают научности и практической ценности этих представлений.

Мне с Г.Я.Ракитской выпал случай довести до самого верха КПСС представления о реальном состоянии общества в СССР и о реалистических путях кардинальных «реформ сверху» с удержанием КПСС общего контроля за ходом таких реформ, направленных на выход из тупика тоталитаризма.

Дело было так. Весной 1987 первый зам. зав. Отделом науки ЦК КПСС созвал ряд учёных и дал поручение:

— Руководство, — он показал пальцем вверх, — просит вас, товарищи учёные, откровенно высказать свои мысли о политике перестройки, которую проводит наша партия. Будьте откровенными, не бойтесь ошибиться. Нам особенно важен критический взгляд на политику перестройки.

По косвенным источникам выяснилось, что поручение исходило от ближайшего сподвижника М.С.Горбачёва,

члена «здорового ядра» в Политбюро ЦК КПСС А.Н.Яковлева.

31 августа 1987 мы с Г.Я.Ракитской официально (с сопроводительным письмом ЦЭМИ АН СССР) представили в Отдел науки ЦК КПСС машинописный текст объёмом 121 стр. Доклад назывался «Идеология перестройки как стратегия и тактика социальной революции в обществах современного советского типа».

От сотрудников отдела нам стало известно, что с представлением доклада «наверх» возникла заминка.

— Там, — сотрудники показали пальцем вверх, — материалы больше пяти страниц не читают. Но мы всё же послали ваш доклад полностью.

Примерно в октябре 1987 ещё при одном вызове в ЦК КПСС тот же самый зам. зав. Отделом науки сказал собравшимся так:

— Руководство поручило мне передать спасибо супругам Ракитским за обширный, но неординарный материал, который, несмотря на всю его остроту, будит мысль.

Чуть раньше, в сентябре, Т.И.Заславская, прочитав наш текст, спросила:

— Вы что же, надеетесь это напечатать? Это невозможно: нашей гласности для этого недостаточно¹⁷.

«Спасибо сверху» — воистину небывалое событие. Но формулу «Ракитские (супруги)» мы прочли в 1991 в списке лиц, которые находились под наружным наблюдением КГБ и которые по распоряжению Председателя КГБ СССР Крючкова от 19 августа 1991

¹⁷ Текст был напечатан в 1990 г. (с некоторыми изменениями по требованию редакции издательства). Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. (Отв. ред. Т.И.Заславская) - М.: «Наука» 1990. 128 с. Ещё ранее украинские коллеги полностью напечатали текст доклада в журнале: см. Б.В.Ракитский, Г.Я.Ракитская Перестройка: теоретическая экспертиза концепции и практической политики. – Журнал «Философская и социологическая мысль» Республиканский научно-теоретический журнал Института философии АН УССР 1989. № 10 стр. 3-25; 1989. № 11, стр.14-31; 1989. № 12, стр. 3-21.

подлежали аресту. Генерал КГБ СССР Добровольский на допросе показал, что этот список он лично уничтожил после провала путча и что «спущен» список был из ЦК КПСС.

Не сомневаюсь, что Я.А.Кронрод со своими представлениями о соцолигархизме был бы в том же самом списке. Если бы, конечно, публиковал их или передал бы «здоровому ядру» соцолигархата, когда то затеяло бы перестройку.

Что касается внешней социальной силы, повлиявшей на развитие событий в СССР, то в ходе перестройки эти силы кардинально сменили схему антиСССРовской пропаганды. Многие годы пропаганда велась по схеме «В СССР нет никакого социализма, строй в СССР — тоталитарный, прямо противоположный социализму». Но когда пошла борьба за массовое сознание советских людей, схема стала иной: «Социализм в СССР есть, это тоталитаризм. Никаким иным, кроме как тоталитарным, социализм и не может быть никогда». И чем упорнее КПСС твердила о строе в СССР как о социалистическом, тем вернее оживающее массовое сознание советских людей отворачивалось от социалистического выбора будущего. Идеи Я.А.Кронрода ни в малейшей мере не отождествляли социализм и тоталитарный соцолигархизм. Так что он никак не мог оказаться своим ни для международного капитала, ни для правившей в СССР касты.

13. Антитоталитарная и антиимперская социалистическая мысль опять остро актуальна в России

Четвёртая русская революция (1988-1991) совершилась при очевидной неготовности к ней внутренних российских социальных сил. Как и почему так получилось, — не об этом сейчас речь. Важен сам факт неготовности, неоткристаллизованности социально-группового (классового) сознания, а потому и

неготовности масс активно действовать в революции. Понятно, что когда мы говорим о неготовности, мы горюем не о том, что граждане «все как один» не были готовы, а о том, что не сложилась критическая масса той социальной энергии, которая позволяет выразителям массовых интересов реально и эффективно исторически субъектно действовать.

Из-за этой неготовности стали возможны «лихие 90-е» с их экономическим геноцидом населения и откатные 2000-е с неуклонным возвратом к отчётливо недемократическому типу власти.

Реставрация тоталитаризма пока не произошла и едва ли произойдёт по причинам геополитической зависимости России. Но об авторитаризме как о случившемся факте говорится и пишется немало и нередко. Путь в исторический тупик наполовину пройден. Социальные силы, толкающие Россию в исторический тупик, — есть. Социальных сил, реально препятствующих вхождению России в исторический тупик, — увы, нет.

Массовое сознание не обрело за последние 20 лет устойчивых демократических ценностей. Вспыхнувшая ностальгия по советскому прошлому зиждется на полном историческом неведении или заблуждениях у молодых, а у старших поколений — на воспоминаниях об убогой, но надёжной «уверенности в завтрашнем дне» (по сравнению с не менее убогой для большинства, но гораздо более проблематичной нынешней жизнью).

Происходит и уже ощутимо продвинулась фашизация массового сознания. Она движется по двум решающим направлениям:

— симпатии вождизму, «сильному правителю», покорность силе и

— великодержавный шовинизм, имперство.

Обе эти заразы больше не угрожают мировому сообществу, ибо нынешняя Россия в геополитическом отношении — держава не слишком сильная. Фашизация массового сознания отравляет внутреннюю жизнь страны, наглухо перекрывает демократическую перспективу. Это гангрена России.

Именно поэтому антитоталитарная и антиимперская борьба опять стала актуальной борьбой за демократическое будущее России. Социалистическая мысль как именно антитоталитарная и антиимперская имеет немалый реальный потенциал.

Очерк Я.А.Кронрода 1974 года — яркая страница и ценная составная часть российской антитоталитарной социалистической мысли.

Мы помним об этом.

Мы не дадим об этом забыть.

Август 2011

**ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ. «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ
БОЛЬШИНСТВА». НЕ ЗНАЧИТСЯ В УТВЕРЖДАЕМОМ
ВАК «ПЕРЕЧНЕ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И
ИЗДАНИЙ»**

Издатель не взимает с авторов деньги за публикацию

**ВЫСОКОЕ НАУЧНОЕ КАЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ
ГАРАНТИРУЕТСЯ**

Научная литература

Периодическое издание

Общественное сознание большинства. Выпуск 9

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет).
Россия, 119361. Москва, Озёрная улица 25 - 287
E-mail: university-w@yandex.ru

Подписано в печать 05.01.2012 Объём 108 стр. (4 п.л.)
Тираж 300 экз. Распространяется бесплатно
Отпечатано на собственном ризографе